

Дорогие читатели, пролетело 11 месяцев, как я оказался за штурвалом «Простора». Уверен, вы заметили – журнал изменился. Надеюсь, стал интереснее. Я не печатал свои опусы в нашем журнале до этого дня, но случилось приятное для меня событие. Мою повесть «Гончие Псы» перевели на казахский язык. За солидный литературный перевод я благодарен известному казахскому писателю, лауреату Государственной премии Алибеку Аскарову. И с легкой руки главного редактора журнала «Жұлдыз» Турысбека Саукетаева она будет напечатана в шестом и седьмом номере этого журнала. Поэтому, чтобы читателям обоих наших литературных журналов было удобно ознакомиться с оригиналом и его переводом, я также решил напечатать моих «Гончих Псов» в «Просторе». Вторая причина: в галерее «Простора» в этот раз представлены картины замечательного художника Ибрагима Кубекова. Мне когда-то повезло, и он иллюстрировал мою книгу. Я еще раз выражаю ему свою благодарность. Всем приятного чтения. Выхожу на простор, друзья.

Фархат ТАМЕНДАРОВ

ГОНЧИЕ ПСЫ

Побег

Вот и настал день побега. Летний, солнечный, душный. Трамваи звенели на поворотах: «Динь-динь». Изредка доносился шум машин. Небо – бездонное, ярко-синее. Солнце – палящее, ярко-жёлтое.

Жусуп и Жорик сидели в неудобном мрачном дворе окраинной хрущёвки. Жара, мухи жужжат. Перс с Еркеком ушли на станцию разведать обстановку. Жорка стал рассказывать, почему он исчез на несколько дней.

Перс, их вожак, считался авторитетом среди местных пацанов района, в котором они жили. Он был старше на два года и успел отсидеть в колонии за кражу. Крепко сбитый, смуглолицый, черноволосый, с одним выбитым передним зубом, вместо которого красовалась стальная фикса. Звали его Перимбет, но он давно уже получил кличку «Перс» и так сросся с ней, что действительно напоминал воина времен Александра Македонского. Иногда проглядывало в его оскале что-то звериное, поэтому за глаза ребята коверкали прозвище на «Пёс». Если Мелкий, так он называл Жорика, не сможет внести денег в общую кассу, значит добудет их другим путём, сказал Перс. Жоркина тётка работала в местном магазинчике, и он заметил как-то у неё на пальцах золотые кольца с камушками. Лидия Васильевна жила одна в двухкомнатном домишке с небольшим палисадником по улице Вишнёвой. Этот район в народе метко называли Компотом. Племянник не раз видел, как она доставала шкатулочку из шкафа и ласково называла её «моё сокровище». Два дня назад, когда тётя Лида была на работе, они ограбили её. Пробравшись через садик, предусмотрительный Перс натянул на обувь и руки носки, то же сделал и Жорик. Верный способ не оставлять никаких следов и отпечатков. Перс помог ему залезть в форточку, и Жорик открыл дверь изнутри. Шкатулку нашли быстро, искали ещё деньги, не найдя, поспешно покинули дом. Добычу продали возле Зелёного базара скупщикам. Перс довольно улыбался, пересчитывая деньги. Ну, а

Рисунок И. Кубекова

Жорке не оставалось другого выхода, как быстрее сбежать из дома. Он любил тётю и не представлял, что делать, если его поймают.

– Ты знаешь, Жус, я после кражи сам не свой. Мамке в глаза смотреть не могу, а если с тёткой встречусь, так сразу расколюсь. Вот и бегу от батиных побоев да от тёткиного наказания. А ты чё с нами-то подался? – закончил Жорка.

– Понимаешь, Жека, мечта у меня – океан увидеть и, если удастся, кругосветку совершить.

– Ну ты всегда, Жус, с какими-то прибабахами. Не как все. Да уж мечта так мечта, я понимаю, не то что от запойного папашки бегать. Когда станешь капитаном, возьмёшь меня с собой?

– Конечно, Жека, ведь мы друзья, – Жусуп обнял его за плечи.

– Знаешь, братан, я за тебя жизнь готов отдать, – расчувствовался Жорик.

Беседа прервалась – вернулись Перс и Ерёма. Рассказали, что на горке формируют состав. В основном гружёные вагоны, но есть и порожняк, поэтому придётся выждать полчаса. Ещё раз обсудили план действий, проверили содержимое рюкзаков, подсчитали количество общих денег, просмотрели карту дороги. Затем все кроме Ермека закурили. Ерёма был спортсменом и не курил. Посидели, помолчали. Персу хорошо, он не первый раз сбегает из дома, а остальным было боязно, и больше всех боялся Жорка.

– Всё, пора, – сказал Перс.

Они встали и направились в сторону высокого забора, ограждающего товарную станцию. В одном из соединений металлическая сетка была заранее

надрезана. Придавив её телом, можно было проскользнуть в дыру. Затем с трудом пробрались под вагонами, и где-то на пятом пути Перс остановился.

– Стоять, – тихо сказал он и осторожно выглянул. – Никого. Айда за мной!

Они подошли к товарняку и забрались на тормозную площадку одного из вагонов.

– Здесь оставим рюкзаки, – Перс показал на ящик для песка. – Когда будет обход, спрячемся на крыше. Поезд тронется, спустимся. Курить нельзя.

Все надели одинаковые неприметные коричневые куртки, купленные на барахолке. Вскоре послышалось постукивание обходчика по колёсному парам и громкий лязг выдёргиваемых из-под колёс башмаков.

– На крышу, быстро! – скомандовал Перс.

Ребята взлетели по боковой лестнице наверх и распластались. Жусупа бил мандраж, попеременно пробуждая в его сердце то страх, то веселье. Не верилось, что всё это происходит именно с ним. С горки диспетчер их не заметил. Через некоторое время товарняк тронулся. Перс дал сигнал, и они осторожно спустились на площадку позади вагона. Поезд набирал ход. Замелькали пристанционные постройки, рабочие в оранжевых безрукавках, показалась автодорога, обсаженная с двух сторон пирамидальными тополями. Жусуп смотрел на уплывающие деревья, и что-то сжималось в его груди.

– Всё, можно курить, – Перс вынул пачку сигарет.

Отпустило. Путешествие началось. Настроение у всех было приподнятое.

Когда выехали из города, Перс сказал, что нужно найти место для ночёвки. Подойдёт полувагон с щебнем, или из-под угля, или теплушка – крытый, так называемый «столыпинский» деревянный вагон. Сам он пойдёт в начало состава, Ботан с Ерёмой – в конец.

Забравшись наверх, ребята ощутили, как высоко встало солнце, как силен ветер, как широка родная страна. В них проснулся боевой дух с привкусом первой победы.

– Осторожнее там, – угрюмо сказал Перс и двинулся в сторону локомотива.

Страшно прыгать первый раз через движущиеся вагоны. Кажется, что не попадёшь на другую крышу, хотя та была широкой. Приноровившись, пацаны стали даже бравировать своими прыжками. Заглядывали в люки, но пустых вагонов пока не было. Крытые закончились и начались полувагоны. Первые два были с каким-то оборудованием. Они еле-еле пробрались сквозь них. Здесь можно спрятаться, но лечь и поспать места не было. Следующий оказался из-под угля, но не успели они обрадоваться, как огромная чёрная овчарка бросилась в их сторону и начала лаять. Её удерживала за ошейник девчонка лет пятнадцати, в голубых джинсах и белой футболке под синей ветровкой.

– Бегите быстрее, а то я его долго не удержу, – крикнула она. Они быстро перелезли обратно.

– Вот, блин, попали! – выругался Еремек. – Дальше дороги нет.

– Да, точно, – подытожил Жусуп.

– Чё делать будем?

– Да не знаю я. Сейчас, подожди, – Жусуп повернулся в сторону полувагона и закричал: – Послушайте, нам другой вагон нужен. Можно мы пройдем? Нам надо место для ночёвки найти!

– Мне по барабану ваши проблемы. Это мой вагон, а сунетесь, Кинг вас разорвёт, – услышали они в ответ.

Собака оскалила клыки и зарычала.

– Зря переживаете, никому не нужен ваш вагон, мы хотим найти новый, где сможем расположиться.

– Пошли на фиг, куда я вас не пушу.

– Да, прокол, айда назад. Скажем Псу, что здесь нет ничего, может, он что-нибудь нашёл? – потянул Жуса за рукав Ермек.

Злые, они вернулись обратно и увидели хмурого Перса и Жорку, белого от страха.

– Что случилось? – спросил Жусуп.

– Да уж, – мрачно ответил Перс. – Там через три крыши есть конкретный полувагон, но мы туда не пойдём.

– Почему? – встрянул Ерёма.

– Там труп мужика лежит, сгоревший, – бесчувственно произнёс Перс.

– Как труп? Откуда? – ребят как холодным душем окатило.

– А я почём знаю? А вы чё так быстро?

– Да там... – замялся Ермек. – Одна страшила не пускает.

– Чё за бред, какая страшила? Куда не пускает? Ты чё несешь? – рассердился Перс.

– Прошли три крытых вагона, они полные, затем две платформы с оборудованием, – чётко продолжил Жусуп, – а дальше хороший полувагон из-под угля, но в нём девчонка с огромной чёрной собакой. Ну и пройти не смогли. Не пускает, говорит, собаку спущу.

– Собаку, говоришь... – ухмыльнулся Перс. – Разберёмся.

Он достал свой рюкзак, и через мгновение в его руке блеснул заточенный тесак.

Небо Тани К...

Когда они подобрались к полувагону, Перс заглянул внутрь. Пёс залаял, обнажив страшные клыки. Девчонка еле сдерживала его.

– Вы чё, не поняли? Кинг же вас порвёт.

– Ты, сука, заткни рот своему псу, иначе это сделаю я! – закричал Перс.

– Ну-ну, попробуй, а я посмотрю! – прозвучал нахальный ответ.

Злой, он схватил тесак и прыгнул вниз. Собака зашлась ещё громче. Вдруг раздался девичий крик:

– Стой, Кинг, стой! – и уже испуганным голосом: – Не трогай его! Не тронь! Всё, всё! Я сейчас его привяжу.

Страшный поначалу эпизод, слава богу, закончился миром. Она привязала лающего пса к железной стойке. Над краем полувагона показалась лохматая голова Перса.

– Залезай, пацаны, путь свободен.

Первым полез Ермек, за ним Жусуп и бледный как смерть Жорка. Пройдя полувагон, они перебрались на другой. До конца состава тянулись только крытые. В одном из них они нашли плохо закреплённый люк. Из рюкзака Перс достал длинные кусачки. Поддев лезвием тесака крышку, он мастерски переломил державшую люк изнутри проволоку и открыл его. Сначала внутрь забрался маленький Жорик. Он осветил фонариком и увидел, что вагон на две трети заполнен тюками с хлопком. Это была удача. Перс отправил Ермека с Жусупом за остальными рюкзаками, а сам остался с Жоркой готовить берлогу. Возвращаться через собачий полувагон было страшно – вдруг девчонка снова спустила пса? Подойдя, они увидели, что неожиданная спутница с отрешённым взглядом сидит на полу, держа морду собаки на коленях. Только они попытались перелезть, как пёс встал и оскалил клыки.

– Сидеть, Кинг! – сказала хозяйка, и тот послушно сел, но всё равно был напряжён и готов к броску. – Что вам опять надо?

– Да там кой-какие вещи остались, можно пройдем? – вежливо попросил Жусуп.

– Валите, куда хотите, только больше не надоедайте, а то он покусать может, – она демонстративно отвернулась.
– Вот страшная какая, – прошептал Ермек.
– Зато умная, – ответил ему Жусуп.
– Это ты про кого?
– Про собаку, а ты о ком?
– А я про девчонку эту, – засмеялся Ермек.
Жусуп промолчал.

* * *

В крытом вагоне получилось настоящее жильё. Перс с Жориком передвинули несколько тюков, и в центре площадки теперь можно было стоять во весь рост. В середине оставили один тюк – он превратился в импровизированный стол. Ермек с Жусупом включились в работу, и скоро их теплушка стала ещё уютнее. Курить и по надобности поднимались по одному на крышу. Перекусили сухим пайком. Перс решил, что раз здесь газовую плитку зажигать нельзя, придётся готовить в том полувагоне, где девка с овчаркой.

– Кто пойдёт?
– Я не пойду, – пробубнил Жорка, – я боюсь.
– А я вообще готовить не умею, – Ермек развёл руками.
– Ну чё? Я пойду, что ли? – возмутился Перс. – Хотя, я бы эту чиксу завалил бы, – вдруг осенило его.
– Не надо, не надо, – быстро сказал Жусуп. – Я пойду.

Готовить он научился ещё в летнем лагере. Просто неожиданно для себя испугался, что Перс может обидеть незнакомку.

– Хорошо, иди, – сказал Перс и добавил: – Чтобы часа через два хавка была готова.

– Слушай, ты, я тебе не кухарка, как получится, – завёлся Жусуп.
– Ладно, ладно, – вдруг смягчился Перс. – Я так.

Жусуп собрал в пакет всё, что ему могло пригодиться. Складывая продукты, вспоминал, из чего в походе готовили макароны по-флотски. Потом отправился к тому злополучному вагону. Девочка сидела всё в той же позе, как и два часа назад.

– Простите, я тут старший по кухне. Можно мне покашеварить здесь немного? В нашем вагоне никак не получается, а пацаны есть хотят, – спросил он как можно вежливее.

Она не ответила. В голове Жусупа вертелось: «Когда мосты сожжены, приходится налаживать переправу». Он стал осторожно перелезать. Пёс встал на ноги и зарычал.

– Как же вы меня достали! – девочка поднялась и привязала пса. – Сидеть, Кинг.

Жусуп выбрал место для очага, установил плитку, постелил полотенце, разложил продукты, пятилитровую бутылку с водой поставил рядом. Закрепил на плитке небольшой казан. Макароны по-флотски – обычная походная еда, но был у Жусупа один «тайный ингредиент», благодаря которому блюдо становилось вкуснее. Этому секрету его научил старый добрый Сильвер. Дело в том, что сначала макароны обжариваются, а потом тушатся вместе с мясом и специями с добавлением воды. Вкусно получается. Он вставил газовый баллончик, зажёл горелку и начал готовить. Вскоре потянуло вкусным запахом – в казанке зашипела тушёнка. Жусуп заметил, что пёс неотрывно смотрел в его сторону, и ему показалось, что пару раз он даже махнул хвостом.

– Тоже жрать хочешь, Баскервиль? – шутливо спросил его Жусуп.

- Нам ваших подачек не надо, – зло ответила хозяйка.
- Кормление братьев меньших – не подачка, а простое проявление заботы.
- Кто же так сказал?
- Великий повар и отважный пират – *Джон Сильвер*, когда кормил своего

попугая.

- Это из «Острова сокровищ», что ли?
 - Не-а, это из другой книги, «Одиссеи Джозефа Монгола».
 - Не слышала о такой.
 - В мире великое множество вещей, о которых мы можем и не знать.
 - Ты что, типа умный такой?
 - Не-а, просто я книжки умные читаю.
 - Ну и кто же автор этой книги?
 - Я, и зовут меня Жусуп. Жусуп Буранбаев. А ваше имя можно узнать?
- С минуту она молчала, он стоически держал паузу. Наконец сбивчиво произнесла:

- Таня, Таня Капиева.
- Интересно как: имя русское, фамилия нет.
- Да всё просто: папа – узбек, мама – русская.
- А-а, понятно. А у меня дед – казах, а бабуля – татарка.

Они на время замолчали. На крыше соседнего вагона появилась фигура Ермека с пластмассовыми мисками.

- Ну чё, готово, брат? – спросил тот.
- Казан маленький, поэтому придется ещё сготовить.
- Ну давай, что ли, сколько есть.

Жусуп положил ему две миски макарон с мясом.

- Ладно, ещё две позже заберёшь, через час где-то.
- Так стемнеет уже.

– Ну, а я что сделаю. Сами не захотели большой казан тащить, – ответил Жусуп.

Ермек ушёл. На дне казанчика осталась порция для Жусупа, но воспитание не позволяло ему есть в присутствии другого человека, которому ещё не принесли еду. Он разложил остаток в две пустые миски и понёс к Тане.

– Послушай, Таня, представь, что мы оказались на одном корабле, – этот полувагон напоминал ему допотопную баржу, еле-еле покачивающуюся на безбрежных волнах небесного океана. – А я – кок на этом судне. Поэтому моя святая обязанность – накормить матросов.

– Я не матрос, – огрызнулась она.

– Безусловно. Это я о телохранителе вашем, Кинге. Эта порция ему, – Жусуп протянул одну миску собаке.

– А это вам, как миллионному пассажиру нашего лайнера, – с этими словами он подал вторую миску Тане. Она не хотела брать, но, видя, как обрадовался Кинг, сдалась. Да и запах горячей пищи был очень аппетитным.

– Спасибо.

– На здоровье.

– А вы сами?

– Я поем со второй партии.

И Жусуп принялся за новую готовку. Таня вывалила Кингу еду из миски на картонку, чтобы не пачкать посуду. Увидев, как жадно пёс накинулся на пищу, добавила ещё из своей миски, и сама стала есть всё с большим аппетитом.

– Действительно, очень вкусно. Спасибо тебе большое, Жусуп, – она вытерла губы платочком. Кинг гавкнул в подтверждение.

- А мы уже на «ты» ?
 - Ну, мы же типа познакомились уже? Да и готовишь ты офигительно, – смешалась Таня.
 - Шучу, шучу. Мне очень приятно. Это лишний раз подтверждает, что моё блюдо тебе понравилось.
 - Нет, правда, вкусно. Такая обыденная еда вроде, а у тебя просто пальчики оближешь.
 - Так это благодаря секрету Сильвера.
- Жусуп автоматически готовил вторую партию, рассказывая ей про секретный ингредиент.

...Вот так он и научил его вкусно готовить макароны по-флотски, но Джо-зеф в долгу не остался. Однажды, случайно заметив, что при ловле тунца в сети попадается много лобстеров, которых пираты выбрасывали, он сказал Джону, чтобы тот взял одного на камбуз. Потом они вместе сварили морского рака для капитана, и монголец показал Фрэнсису, как его правильно есть. Дрейк остался очень доволен. Позже это блюдо стало любимым у английской королевы. Может быть, благодаря этому старый Сильвер и уберёг свою шею от виселицы, избежал, как говорится, «танца с Джеком Кетчем»...

Через час снова пришёл Ермек.

- Слушай, брат, такая хавка потрясная. Мы за минуту всё съели. Может, ещё сделаешь, я вот тут две тушёнки новые принёс.
- Нет, хорошего помаленьку, мне ещё казан чистить, а уже темнеет, – ответил Жусуп, – на вот, бери и тащись обратно, братан.
- С этими словами Жусуп подал Ермеку полную миску макарон.
- Не хватит, братан. Может, сделаешь ещё, а? – сделал второй заход Ерёма.
- Вы что, блин, нашли апашку, что ли, которая вам баурсаки будет жарить целый день? Пошли на фиг.

Ермек ушёл, но вскоре вернулся сытый и довольный, протянул Жусупу папиросы и тихо сказал:

- Слушай, Перс тебе два косяка передал, пусть, говорит, Жус оттянется, пацанов ведь порадовал. С чиксой, может, замутит, а там, глядишь, и мы подойдём. А я ему говорю: да она же страшная, как обезьяна, а он говорит, да ничего, лицо платочком прикроем. Вот хохоту было...

– Ладно, ладно, иди, травку я сам покурю. А возле девчонки пёс этот сидит, как приклеенный. Сожрёт и не подавится.

Ермек ушел, а Жусуп, быстро всё прибрав, наконец-то присел, прислонившись спиной к стенке вагона. Над ним темнело июньское небо. Поезд плавно покачивался, двигаясь вперёд, хотя было ощущение, что мир замер на месте. Непрерывный ритмичный стук колёс убаюкивал. Он смотрел на редкие, только начинающие сверкать на чёрном бархате звёзды. Мерцание казалось вечностью. Алмазные крошки во тьме, застывший фейерверк вселенского взрыва. Вдруг рядом раздалось щёлканье зажигалки. Огонёк сигареты вспыхнул маленькой звездой в их вагоне. Он вспомнил о двух папиросах.

– Послушай, Тань, а у меня другие папиросы. Может, покурим вместе? А то одному как-то не в кайф.

- А что там?
- Травка.
- Я никогда не курила.
- Да я тоже только второй раз. Знаешь, это как обычные папиросы, просто потом пить и есть сильно хочется. Вода в бадейке осталась. Ну что, попробуешь?

– Ну ладно, давай. А ты почему на небо так долго смотрел?

– Да люблю, затягивает...

– А я так близко и так поздно его не видела никогда.

– Что же ты, в темнице, что ли, жила, красна девица?

– Типа того.

Жусуп зажёл только одну папиросу.

– А почему так? – спросила она.

– Надо курить, постоянно передавая её друг другу. Так кайф доходит одинаково, ну и какое-то дружеское сближение возникает, единый улёт...

– А что, улёт нефиговый?

– Да нет, просто хохочешь как дурак и не понимаешь почему.

Они закурили. Разговорились. Не сразу, но Таня рассказала ему свою историю, хотя и неполную. Семья у неё была большая. Отец зарабатывал мало, старшие братья уехали – кто в Россию, кто в Казахстан. Отец решил выдать её замуж за своего друга по институту. Тот жил в Ташкенте. Бизнесмен, толстый и старый. Таня, когда увидела его в первый раз, плакала всю ночь. Мать говорила, что всё сладится, стерпится. Но она не захотела. И в один день сбежала. Решила отправиться в Новосибирск, к старшему брату.

– А ты почему сбежал? – спросила она Жусупа.

– Есть у меня мечта – кругосветку совершить.

– Откуда мысли такие? – спросила она

– Ты знаешь, с одиннадцати лет брежу пиратами, – ответил он и поведал ей историю про то, как попал на судно Дрейка. Они закурили вторую папиросу, и он продолжил рассказ:

...Задачей Фрэнсиса был грабёж испанцев с западной стороны Южной Америки, где корсаров никто не ждал. Экспедиция была удачной. Награблено было в пять раз больше золота, чем потрачено. Он хотел ещё, но Джозеф Монгол рассказал ему сказку о золотой антилопе, в которой жадный падишах при виде золота, вылетающего из-под её копыт, требовал ещё и ещё. Потом золото, которого было уже с целую гору, превратилось в черепки, которые и погребли жадного шаха. Чтобы сохранить быстроходность, корсарам надо частично избавляться от золота, оставляя его по пути в брошенных лодках, что будет останавливать преследователей. Капитан и здесь ему поверил и даже переименовал свой галеон «Пеликан» в «Золотую Лань». Но золота всё ещё было так много, что часть его лежала в мешках прямо на палубе. Дрейк решил возвращаться обратно. Путь через мыс Горн был опасен, так как их ждали там испанские корабли. Идти через Панамский перешеек по суше было опасно вдвойне. Можно нарваться на пиратов или испанцев, да ещё неизвестно – наймёшь ли торговое судно в Портобелло. Джозеф предложил идти на север через пролив между Азией и Северной Америкой, а потом по Ледовитому океану в Англию.

– Там же нет пути, – возразил Дрейк.

– Есть, Берингов пролив называется, – ответил ему Джозеф, – по имени капитана, открывшего его.

– Берингов? Не знаю такого. И откуда у тебя такие кэпы, о которых я ничего не знаю? – с досадой говорил Фрэнсис. – Ну да ладно, ты меня ещё не подводил. Так что вперёд, мой маленький монгол!

Два месяца они шли строго на север, поднялись до берегов современной Канады. Навстречу стали попадаться айсберги, и Дрейк, испугавшись за корабль, всё-таки повернул обратно. Поднявшийся шторм отнёс их к Калифор-

нийскому полуострову, где они пришвартовались в уютной бухте. Высадились на берег, чтобы починить галеон и запастись водой. Это место напомнило путешественникам родную Англию. Позже Дрейк даст ему название Новый Альбион. Через месяц они вышли в Тихий океан и направились к острову Агатту, потом к японским островам. Так и пересекли Тихий океан намного севернее пути Магеллана. Дальше курс был проложен капитаном по Китайскому морю, через Сингапур в Индийский океан. Этот маршрут Дрейк знал хорошо. Однажды, когда провиант подходил к концу, они решили ограбить китайскую торговую джонку. Делать это под английским флагом было нельзя, и Джозеф предложил капитану сделать флаг из своей майки, которая к тому времени стала тёмно-красной от грязи и крови, потому что во время абордажей он работал «пороховой обезьяной», то есть помогал подносить порох и ядра к пушкам, а ещё ухаживал за ранеными вместе с корабельным лекарем. Должность на пиратском судне необходимая. Им был, как ни странно, его учитель – одноногий Сильвер. Капитан Дрейк в который раз согласился с монголом. Джон разорвал свою майку и пришел её к большому куску чёрной ткани. Так над «Золотой Ланью» впервые взвился чёрный флаг с черепом и костями, который корсары прозвали «Весёлый Джозеф»...

– Вообще-то история длинная, и мне очень хочется пройти по пути великого капитана Дрейка по-настоящему, – закончил Жусуп.

– Ну, это же на корабле надо, – удивилась Таня.

– Да, хотелось бы. Есть ещё одна тайна, ради которой я хочу это сделать, но не буду никому говорить, пока не доберусь до океана. – Жусуп жадно затянулся, а потом медленно выпустил дым.

– И кем ты там будешь на судне? Апашкой? Баурсаки матросам жарить? – она перехватила у него папиросу.

– Не-а, макароны по-флотски!

Они одновременно засмеялись. Жусуп хохотал взахлёб, изредка повторяя:

– Апашка! Ну ты и сказала!

– Апашка! – повторяла она, и хохот продолжался по-новой.

Затем их начала мучить жажда. Поочередно они жадно пили воду из бутылки. Таня достала лепёшку из своей сумки, и они проглотили её за раз.

– Послушай, – игриво заметила Таня, – вот мы с тобой курим одну папиросу, пьём из одной бутылки. А ты не боишься заразиться? Микробы же и всякое такое.

– Ты забыла добавить, что мы ели из одной миски. Знаешь, теоретически это возможно, но в нашей ситуации – никогда.

– Почему это? Как раз вокруг сплошная антисанитария.

– Вот слушай, тебе сейчас хорошо?

– Хорошо.

– А человек в состоянии, близком к счастью, ничем не заболит никогда и ни от кого не заразится. Ты представь, сколько влюблённых на земле целуются. Они же не боятся заразить друг друга. Потому что счастливы, любимы и сами любят. Любовь – светлая материя Вселенной, её не запачкают никакие хеликобактерии.

– Хелико... что?

– Хулико, хуеликобактерии... – заплетаящим языком произнёс он, и они рассмеялись с новой силой, ежеминутно повторяя это труднопроизносимое, исковерканное им слово.

За месяц до побега

- Карту достал? – спросил Перс после рукопожатия.
- Сокровищ? – сострил Жусуп.
- Я тебя серьёзно спрашиваю.
- Нет пока, но пути поиска сужаются, – заговорщически, понизив голос, продолжал Жусуп.
- Чё умничаешь, ботаник? Нормально трещи.
- Стоящие рядом Ермек и Жорик засмеялись. Довольный вызванным эффектом, Перс ослабился. Но Жусуп остановил хохот:
- На, возьми. Покоряй километры, – и он достал из-за спины увесистый атлас железных дорог СНГ в дорогом переплёте.
- Ух ты! – удивились пацаны. – Дай посмотреть!
- Хорош тут торчать, пора ехать, – огрызнулся Перс и небрежно бросил атлас в пакет.

Четвёрка подростков двинулась в путь. Одетые в одинаковые джинсы, лишь футболки на них были разных цветов. Из ребят трое – высокие, один на вид старше и плотнее остальных, а четвёртый, это был Жорка, – маленького роста проворный белобрысый крепыш. Они подошли к остановке. В воскресное утро народу на ней было немного: сгорбленная старушка с пустой авоськой, пожилая семейная пара в спортивных костюмах, девочка с папкой для нот в руках. Когда подошёл автобус с маршрутом до барахолки, в него ввалилась шумная ребячья ватага.

Усевшись, Перс достал атлас и стал его рассматривать. Жорик с Ермеком повисли на поручнях над его сиденьем, с интересом разглядывая страницы. Жусуп сел напротив и уткнулся в окно. За ним радостно мелькал освещённый ярким солнечным светом зелёный город. «Что ж, видимо, он прав, я – ботаник, маменькин сынок в очках, любящий астрономию и географию, читающий бумажные книги, – думал Жусуп, подпрыгивая вместе с автобусом на кочках. – Тайком от мамы играю на компьютере в игру “Кодекс пиратов”. Знал бы этот Перс, о какой карте я думаю и какую карту хочу достать. Хотя, наверное, поднял бы на смех. Но я всё равно её достану, иначе смысла в моём побеге не будет. Ботаник... Даже девчонки смеются. Ерёме вон повезло, он уже чемпион города по каратэ, к нему они сами на шею бросаются...»

– Слышь, умник, – услышал он голос Перса, – попроще ничего не было? Мы только страницы с Алматой и Владиком нашли. Как им пользоваться-то?

– Надо последовательно, страница за страницей, по Транссибирской железной магистрали, – нехотя ответил Жусуп.

– На, возьми, дома проложишь нашу магистраль фломастером, чтоб понятно было, ты же у нас ботан, – и бросил атлас на колени Жусупа.

«Да пошёл ты! – про себя огрызнулся Жусуп. – Пёс проклятый, и нужен ты мне лишь для того, чтобы добраться до океана. Атлас ему не понравился! Что б ты понимал. К своей карте я тебя близко не подпущу, вот только достану её. Знали бы они, какая тайна скрыта в этой карте, лопнули бы от зависти...» – и он обиженно отвернулся. Автобус свернул на развилке вниз. Начинался район беспорядочных торговых базаров. Удивительное качество городов, расположенных в горной местности, – указывать направление дороги по высоте. Можно сказать таксисту: «Вверх по Ауэзова или вниз по Сейфуллина до конца», – и он поймёт, куда ехать.

Жусуп снова уставился в окно. «Если честно, то надоело быть ботаником – вовремя приходиться домой, вовремя делать уроки, быть паинькой и отличником, “да” и “нет” – не говорить, мятый с грязным не носить. Кто я? Зачем

я здесь? В чём смысл моей жизни? Как добиться всего самому и не быть при этом никому обязанным? Как найти себя? Тех, у кого это получается, называют счастливыми...»

– Вставай, приехали! – грубый окрик Перса оторвал Жусупа от размышлений.

Минут через пять ребята уже шли по тесному ряду торгового рынка. Покупателей в этот час было мало. В основном продавцы, грузчики, коротко стриженные качки в спортивных штанах с лампасами, лузгающие семечки от безделья. На четверых подростков внимания никто не обращал, да что с них возьмёшь. Хотя у них был целый список необходимого, составленный заранее. Помотавшись часа три, ведь Перс любил торговаться, усталые и нагруженные покупками, они возвращались домой. Разговор не клеился. Вроде купили всё, что нужно, по самым низким ценам, а потрачено уже тридцать тысяч тенге из их общих денег. А добывали эти деньги с трудом. Жусупу с Еркемом пришлось пропустить два месяца тренировок. Соврав родителям, что они по-прежнему ходят в спортзал, они сэкономили по двадцатке на взносах. Шестидесять тысяч принёс Перс, в его тёмные делишки никто не лез. Пять тысяч притащил Жорка – разбил глиняного поросёнка, куда собирал монетки с двухтысячного года. Жутко расстроился, думал, будет больше. Сорок пять тысяч они втроем заработали, разгружая вагоны по воскресеньям.

Когда приехали, сумки с покупками отнесли в подвал дома, где жил Перс. Здесь же и укомплектовали четыре рюкзака необходимыми вещами: продуктами в металлических банках, лапшой в целлулоидных пакетах, кое-какими инструментами. Взяли походную газовую плитку, запасные баллончики, спички, соль. Хлеб и воду решили взять в последний день. Расстались поздно вечером. Перс сказал, что до дня побега остался месяц, в «общаке» всего сто двадцать штук, и надо ещё, так как дорога дальняя, мало ли что.

– С каждого ещё по двадцатке, – потребовал он, – да пораньше, все деньги надо успеть поменять на доллары и рубли.

Ребята переглянулись. Работать на тупике никто не хотел. Жусуп с Еркемом молча кивнули, они-то из обеспеченных семей и что-нибудь сокрут предкам.

– Я не смогу, – угрюмо ответил Жорик.

– Хорошо, со мной пойдёшь, – слова Перса заставили его оцепенеть. – А ты, ботан, – он обернулся к Жусупу и протянул ему атлас, – маршрут вычертишь, и вырви только те страницы, которые нужны, чтоб не тащить с собой этот кирпич. Ладно, всё, пока.

Ребята выбрались из подвала и побрели по домам. Шутить не хотелось совсем. Никому.

В школе

Учебный год заканчивался. Жусуп с Еркемом соврали своим родителям, что в июне уезжают на Иссык-Куль вместе с классом, и выпросили денег на путёвки. Жорка два дня в школу не приходил и на телефонные звонки не отвечал. Еркем и Жорик – обычные пацаны без особых примет. Один высокий, а другой ниже его на голову. Один стриженный казах, другой белобрысый украинец. Ну а сам Жусуп – воспитанный холёный мальчик в очках, с волнистыми волосами, тщательно расчёсанными на допотопный пробор.

Карту свою Жусуп ещё не достал, но сегодня у него будет шанс. Жаркая суббота. Последний урок. География. Её вела Екатерина Васильевна, любимая им учительница. Сухонькая, невысокая женщина в очках с толстыми линзами.

Седые волосы собраны в пучок. Одета в строгий серый костюм, застёгнутый на все пуговицы несмотря на жару. Белый воротник блузки, как крылья чайки, ложился на лацканы пиджака. Жусуп любил её уроки. Именно она рассказывала им в шестом классе о кругосветном путешествии английского пирата Фрэнсиса Дрейка и даже показала старую карту его морского пути, которую скопировала когда-то в Ленинской библиотеке в Москве тоже с копии. Оригинал находился в Англии и был размером в десять метров. Сам Дрейк составлял эту карту. В отличие от Магеллана он закончил своё путешествие в той же бухте, из которой вышел в ноябре тысяча пятьсот семьдесят четвёртого года.

Екатерина Васильевна говорила о чём-то увлечённо и вдохновенно, но в этот весенний день он не слышал её, а просто смотрел в окно. Кабинет географии находился на втором этаже их старой школы, и окна выходили на тихую улочку имени Джембула. Напротив окон росли высокие и старые дубы. Сейчас, поздней весной, они были усыпаны молодыми светло-зелёными листочками. Широко раскинув свои ветви, они тянулись ими к зданию, заглядывая в окна. «Тоже учиться хотят, – улыбнулся Жусуп, – чтобы не говорили про них “дуб дубом”».

Через улочку расположился невысокий четырёхэтажный дом, в котором некогда жили руководители той страны, о которой Жусуп знал лишь по рассказам деда. Сейчас там остались, наверное, их отпрыски или родственники, но они уже не у руля. Да и здание обветшало, как и всё советское. Дом, в котором находилась квартира деда, стоял по улице Тулебаева. Отсюда был виден его торец. Вездесущие голуби то садились, то слетали с крыши. На подоконнике сидел дымчатый полосатый кот и лениво смотрел вверх. Изредка слышался шум проезжающих машин. Телевизионные антенны кривые, старинные, из прошлого века, но телевидение уже не так актуально. «Сейчас проблема – быстрый интернет. Говорят, скоро появится высокоскоростной “четыре джи”, и можно будет летать по виртуальному пространству», – мечтал Жусуп. По учебным дням он оставался ночевать у бабушки, от неё удобнее было ходить в школу. Они с родителями переехали в особняк в престижном пригороде Горный Гигант, хотели забрать с собой и бабулю, но та отказалась, боялась потерять дух деда, которым пропиталась вся их квартира. Его не стало два года назад, но порядок в квартире был такой, будто он только что вышел и должен вот-вот вернуться вместе с важными людьми. Стол в гостиной был всегда накрыт к чаю. Жусуп очень любил деда, считал его своим самым большим другом. Порой ему казалось, что его незримая душа переселилась в него, внука.

По тротуару прошла апашка с маленьким внуком. Первоклашки ушли давно, а этот, видимо, задержался, или прийти за ним было некому, и он ждал бабушку, которая еле-еле семенила по дорожке. Она нежно держала малыша за плечи. Тот ласково уткнулся ей в бок. Так и шли они тихо, мечтая каждый о своём, любящие и любимые.

Жусуп незаметно повернул ручку окна, но открывать его не стал. Вечером, когда стемнеет, он придёт сюда за картой. Яркий солнечный луч прыгал по стёклам, по листьям, по облакам. Любуясь моментом, он и не подозревал, что в последний раз смотрит из этого окна. В эту школу он уже не вернётся, как не вернутся сюда и Жорик, и Ермек. Но это будет потом.

Стемнело поздно. Где-то в десять вечера. В этот час этот район становился тихим и малолюдным. Жусуп подошёл к школе. Неприметный, в тёмной одежде, с небольшим рюкзачком, в котором лежало всё необходимое: фо-

нарик, верёвка, леска. Только деревянный шест для занятий каратэ заметно торчал из-за спины. Фонарь, к счастью, не горел. Мальчик с трудом залез на стоящий рядом со зданием дуб. Трясаясь от страха, но воображая себя Тарзаном, он полз по толстой ветке, которая вела к нужному окну. Предательски сгибаясь, ветка норовила вот-вот треснуть. Сердце колотилось бешено. Не уключим движением он достал палку и чуть не свалился. Затем дрожащими руками, вытянув орудие вперёд, толкнул раму. Окно с трудом поддалось, створка медленно начала открываться. Мальчик закинул в проём палку, затем резко оттолкнулся и прыгнул. Ветвь не выдержала, издав сухой треск, с грохотом упала вниз. Жусуп больно ударился грудью о подоконник так, что дух перехватило. От страха, что наделал столько шума, быстро забрался внутрь и прикрыл окно. Дышалось тяжело, грудь болела, но он сидел тихо, прислушиваясь. Вроде пронесло. Медленно, на четвереньках стал пробираться к старому деревянному шкафу. Осторожно открыл дверцу. На его голову ворохом посыпались рулоны карт. Жусуп чихнул от поднявшейся пыли. Проклиная небрежных дежурных, он стал всё собирать. Ещё две недели назад, когда сам дежурил по классу, незаметно приклеил к нужной карте стикер со знаком Весёлого Роджера. Его он взял в книге о пиратах, купленной в магазине. Наконец-то найдя карту, запихнул её в рюкзачок. Поднял с пола «палочку-выручалочку» и выглянул в окно. Тишина. В доме напротив свет горел лишь в четырёх окнах, на балконах никого. Жусуп посмотрел вниз. Не так высоко, но и не низко. Второй этаж. Ему приходилось прыгать с высоты в летнем лагере. Но здесь загвоздка была в том, как закрыть окно за собой, чтобы никто не заметил его воровства. Он намотал леску на шпингалет, другой её конец привязал к своей палке и осторожно спустил палку вниз. Встал на подоконник, развернулся и, зацепившись руками, свесился. Руки дрожали, но он всё не решался прыгнуть. Было страшно, а сил подтянуться обратно не осталось. Закрыв глаза, оттолкнулся от стены и полетел вниз. Приземлился неудачно. В месте падения оказался вросший в землю валун. Жусуп вскрикнул от резкой боли, ему даже показалось, что на секунду потемнело в глазах. Но страх попасться оказался сильнее боли, поэтому он быстро встал. Достав из внутреннего кармана очки, надел их, взял палку и натянул леску. Окно плавно, с глухим коротким звуком, закрылось. Подросток снова резко дёрнул леску, и та порвалась. Оставшаяся часть её свисала, но этого он не видел, да и днём, наверное, никто не заметит. Разве что поваленная ветка может вызвать подозрения. «Пускай, ведь нас уже в этом городе не будет, а на остальное чихать. Надеюсь, географичка меня простит», – успокаивал он себя по дороге домой. Нога ещё болела.

Дома

Предупредив бабулю, что поедет ночевать домой, Жусуп поймал частника и уже через двадцать минут ехал по своему пригородному посёлку Горный Гигант. Когда-то в советское время это был совхоз, который успешно выращивал знаменитые на весь Союз яблоки апорт. Сейчас здесь и садов не осталось, а весь посёлок был застроен фешенебельными особняками. Наконец подъехали к огромному родительскому дому. Охранник открыл калитку, впустил его и отрапортовал, что родители уехали на дачу, ужин на столе. Есть Жусуп не стал, поднялся к себе на третий этаж. Свет не включил, хотелось ощутить нетронутую электричеством душу своей комнаты, занимавшей всю мансарду. В полутьме уверенно подошёл к дивану и лёг. Два окна на скошенной стене белели, освещённые луной и бледными звёздами. Жусуп

мечтательно смотрел в ночное небо. Его пленяла необъятность вселенной, которую можно ощутить только ночью, глядя на бесчисленное количество звёзд, проваливаясь в манящую глубину космоса. Над ним висело созвездие Орион. Три маленьких ярких звёздочки в ряд. Две крупных звезды, расположенные на одинаковом расстоянии от них так, что всё вместе имело форму неправильного креста. На самом деле созвездие включало ещё две звезды, невидимые глазу, и получался скорее конверт, чем крест. Это Жусуп знал точно, потому что увлекался астрономией.

В шестом классе отец подарил ему настоящий телескоп. Единственное, что было по-настоящему интересно наблюдать в него, так это неполную луну. На полную смотреть было невозможно. От яркого света болят глаза, и ничего не видно на поверхности. Жусуп встал и пододвинул довольно увесистый, на трёх ножках, телескоп поближе. Затем открыл окно, в комнату ворвалась ночная прохлада. «Когда ещё увижу так близко серебряный диск, может, и не получится больше», – мысли о скором расставании с прежней жизнью не покидали его целую неделю.

Он включил функцию поиска. Можно было это сделать вручную, но ему не хотелось возиться с этим сейчас. Снова лёг на диван, сладко потянулся. Вот уже завтра, в первый день лета, они с двумя его одноклассниками и новым знакомым по кличке Перс отправятся в путешествие по стране самоходом, на товарняках, электричках, автостопом, как получится, чтобы добраться до Тихого океана. Особой тяги к морю у остальных ребят не было, у каждого были свои причины. Перса ждал во Владике кореш, с которым он когда-то сидел в детской колонии. Фрол звал его, говорил, что в порту хватает работы для таких пацанов, как он. Бригада конкретная, но новые бойцы нужны всегда. Можно за лето неплохо подзаработать. Жорик водился с Персом, и тот предложил ему рвануть с ним. Велел подтянуть надёжных пацанов. Жорку манила новая жизнь, а главное – хотелось убежать подальше от постоянных побоев запойного папаши. Он позвал Жусупа, своего лучшего друга. Они оба в классе были белыми воронами: один из-за маленького роста, другой из-за большого ума. Главное, что не нравилось одноклассникам в Жусупе, это его необычная отстранённость от всех, как будто он жил не в свою эпоху, а где-то лет на тридцать раньше. Жорку обзывали «Мелким», его – «Ботаником». Насмешливое отношение к ним сверстников сблизило их, таких разных. Потом они позвали Ерёму, самого сильного пацана в классе. Еремек согласился. Во Владивостоке была одна из лучших школ по каратэ, и он хотел поднять свой уровень. Об этом Жусуп знал, так как жили они в одном дворе и ходили в одну секцию. Но вот ботана Жоркин замысел затянул не по этой причине. Ему, единственному из них, захотелось ощутить под ладонями силу самого великого из четырёх великих – Тихого океана. Открыть для себя новую жизнь, полную приключений, а не расписаний, полную опасностей, а не благополучия, полную свободы, а не постоянного контроля со стороны взрослых. Ну и постараться пройти по пути великого Дрейка и найти то, что спрятал отважный капитан на одном из островов, но это пока секрет. А что?! Мечтать не вредно.

Вот и она. Жусуп встал и заглянул в телескоп. Луна была восходящая, не совсем молодая, дней семь, наверное. Четко очерченные рваные кратеры, тёмные пятна в их глубине, вся испещрена разного размера пупырышками. Особенно интересно наблюдать за ярким краем серебряной луны. Оказывается, вблизи он не такой гладкий, как видно невооруженным глазом. Кратеры довольно высокие, одни выше, другие ниже. Там, где заканчивалось солнеч-

ное освещение, зияла черная дыра, сливающаяся с тёмным небом, но постепенно из неё выползали новые и новые кратеры, словно тянулись к свету.

«...Вот так и я – “за новой жизнью, новой славой, в прямую гущу бурь и вьюг”, – ему вспомнился Есенин. – Почему человека всегда тянет в небо? Оторваться от земли, залезть на крышу, взобраться на вершину, взлететь, как птица. Небо у каждого своё, так же, как то святое, что мы носим внутри себя. Может быть, в этом и есть смысл жизни – найти своё небо и парить в нём свободно, как птица. Когда-нибудь передо мной откроется занавес, и я увижу место, где обитают боги. То самое, где они живут вместе дружно и мирно, счастливо и вечно».

Наступило воскресное утро. Родители позвонили с дачи, пожелали хорошо отдохнуть на Иссык-Куле, куда он якобы должен был поехать. Мама сказала, что зашила в его куртку пятьсот долларов – так, на всякий случай. Велела чаще звонить. Жусуп сослался на плохую связь в Киргизии, но пообещал выходить на связь. Он бродил по дому, мысленно прощаясь. Рюкзак был собран. Ещё раз сев за письменный стол, открыл боковой ящик. Сверху лежал блокнот в зелёном кожаном переплёте. Бережно открыв его, Жусуп стал читать:

ОДИССЕЯ ДЖОЗЕФА МОНГОЛА НА БОРТУ «ЗОЛОТОЙ ЛАНИ»

01.01.2001. Остров Провиденсиалес. Карибское море. Первый день нового тысячелетия. Ближе к обеду мы с отцом лежали на пляже, и он рассказывал мне, почему назвал меня Жусупом. Оказывается, в честь святого Юсуфа, которого в одиннадцать лет злые братья бросили в колодезь умирать, но он выжил и в сорок семь уже стал правителем Египта. Его кредо, по мнению моего отца, «БЫТЬ ЗАТОЧЕННЫМ НА УСПЕХ ЧЕРЕЗ ВЕРУ». Скучная история.

К пирсу нашего отеля пришвартовалась пятиэтажная яхта, и я невольно залюбовался ею. Не дослушав рассказ отца, поплыл в сторону причала. Когда оказался рядом с яхтой, с нескрываемым интересом её рассматривал. Холёный мужчина в белой шляпе, гавайской рубашке и белых парусиновых брюках, с сигарой во рту, вежливо обратился ко мне, как ни странно, на русском: «Интересуешься, пацан? Хочешь постоять за штурвалом?» Счастью моему не было предела. Стюарды подняли меня на борт. Хозяин, об этом я узнал позже, приказал капитану, и тот показал мне всё судно и даже дал покрутить рулевое колесо. Затем мы сидели с Денисом Абрамычем на палубе за столом. Он пил шампанское, а я ананасовый сок. Он спросил, что означает моё имя – Жусуп. Я ему рассказал. Он задумался, а потом поведал более интересную историю о капитане Дрейке. Тот в одиннадцать лет был юнгой на корабле, а в сорок семь стал адмиралом флота. Его кредо звучало так: «БЫТЬ ЗАТОЧЕННЫМ НА УСПЕХ ЧЕРЕЗ БОРЬБУ».

02.01. Утро. Сегодня яхта отчалила. Я катался на сёрфборде с веслом. Был полный штиль. Мне показали, как надо управлять, и я поплыл вдоль берега. Доска быстро скользила, и мне захотелось обогнуть риф, увидеть, что там за поворотом. Хорошо, что надел майку и кепку, а то бы сгорел на солнце. Кстати, экипировку купила мама в местном бутике, где продавали разные вещи с пиратской символикой. К моему удивлению, за рифом были довольно ощутимые волны, и меня понесло на другую сторону острова. Я сложил весло и предусмотрительно сел на доску. Вдруг я увидел какую-то деревянную шхуну, стоящую на рейде возле острова. К ней плыли большие лодки. В первой сидели загорелые люди, одетые в грубые холщовые рубахи, с красными платками на головах. На поясах у них блестели кривые сабли. Во второй лод-

ке сидело человек двенадцать чернокожих со связанными руками, по пояс обнажённых. «Наверное, фильм снимают», – подумал я. Но ошибся. Когда проплывал на доске мимо первой лодки, в ответ на моё приветствие они ударили меня веслом по спине, а когда я упал в воду, то и по голове – так, что я потерял сознание.

02.01. День. Очнулся на палубе. Я лежал в луже воды, которую выплеснул на меня здоровенный рыжий матрос. Вокруг – те же люди в красных платках, но в центре стоял высокий мужчина в чёрном камзоле, расшитом золотом, в сапогах, в шляпе с пушистыми перьями, на боку его висела шпага в ножнах. Зелёная атласная лента пересекала по диагонали его камзол. Волевое лицо. Усы и короткая бородка. На руках – перстни, во рту – курительная трубка.

Он спросил меня, кто я такой. Я сказал, что турист. Почему-то я на удивление хорошо понимал его английский и отлично говорил сам. Он спросил, что такое «турист». Я сказал, что это путешественник. Он заинтересованно посмотрел на меня: «Ну и где же твой корабль?» Я ответил, что прилетел на самолёте. «Что такое самолёт?» – «Это типа такой корабль, который летает по воздуху». Все дружно рассмеялись.

– Уж не о Летучем ли Голландце ты говоришь?

– Да нет, о Боинге 777.

– Боинг три семёрки – не слышал о таком. А как тебя зовут?

– Жусуп или Юсуф.

– Джозеф? – нашёлся один из пиратов.

– Откуда ты? Китаец?

– Нет, я из Казахстана.

– Казак... Что?

Я повторил медленно:

– КАЗАХСТАН.

– Какого ты происхождения?

Я не знал, что ответить, но, вспомнив рассказы бабушки, сказал:

– Я – торе, из рода Чингисхана.

Мужчина в шляпе второй раз заинтересованно посмотрел на меня.

– Ты потомок Великого Монгола?

– Да, – просто ответил я.

– А что за наклейка на тебе с изображением черепа и костей? Да и шляпа на тебе какая-то непонятная, с длинным козырьком и тоже с черепом на лбу?

– Это знак пиратов, – ответил я.

– Так ты пират! Кто твой капитан?

Я всё ещё думал, что это игра такая, и ответил:

– Джек Воробей.

– Джек Воробей? Не слышал о таком. Хорошо, – сказал он, – а я – Фрэнсис Дрейк, капитан корабля «Пеликан», состою на службе Её Величества английской королевы. Мы корсары, имеем каперскую лицензию на грабёж испанских судов. Но пираты – наши братья. Ты из королевского рода, что заставляет меня отнестись к тебе с почтением. Ты не раб, ты гость этого судна. Мы будем называть тебя Джозеф Монгол. А чтобы тебе не было скучно, будешь помогать нашему коку на камбузе. Его зовут Джон Сильвер.

Из толпы вышел одноногий моряк с деревянным костылём, в кожаной треуголке, с белым попугаем на плече. Попугай громко закричал:

– Пиастры, пиастры!

02.01. Вечер. Меня нашли на берегу дикого пляжа с другой стороны острова. Папа сказал, что со мной случился солнечный удар.

После этого случая Жусуп стал бредить морем, пиратами и сокровищами. Записывал в дневник свои сновидения про Фрэнсиса Дрейка. Задумавшись, он закрыл дневник, положил его в рюкзак, где уже лежала карта, а потом сказал вслух: «Ну что, капитан? В путь!»

Прыжок с поезда

Жусуп проснулся от резкого толчка. Поезд замедлял ход и вскоре остановился. Колёса перестали стучать, и утренняя тишина окутала всё вокруг. Синий рассвет пробивался поверх бортов полувагона. Таня спала на его плече. Тихое посапывание, детское выражение лица, полуоткрытый рот. Бережно положив её голову на спортивную сумку с вещами, Жусуп встал и размял затёкшие ноги. Очень хотелось пить, но больше всего – избавить организм от всего ненужного. Еле терпел. Вчера он видел, как Таня несколько раз ходила за сломанные носилки в куче угля. Такой вот туалет под небом. Нетерпение нарастало с каждой секундой, живот бурлил. Он подошёл к носилкам и не увидел там ничего, кроме мокрых пятен. «Не хватало оставлять здесь свой след», – подумал Жусуп. Кинг, лежавший рядом с Таней, поднял морду и посмотрел в его сторону.

– Ладно, ладно, уйду, – успокоил пса Жусуп. Затем залез на край полувагона и перепрыгнул на платформу с оборудованием. Усевшись между двух огромных редукторов, облегчённо вздохнул. Развернул клочок газеты и стал тщательно разминать его в ладонях. «Вот растяпа, туалетную бумагу забыл взять». Вдруг он услышал, как кто-то идёт вдоль вагонов. Это были два путейца и с ними вооружённый охранник. Их Жусуп увидел, когда они проходили мимо платформы.

– Вот блин, подняли ни свет, ни заря. Иди теперь ищи какого-то бомжа, который по крышам вагонов бегал.

– А как прознали? – спросил один из путейцев, молодой краснощёкий парень в оранжевом жилете.

– Да видели его вчера на полустанке под Аягузом. Нам позвонили, – охранник зевнул.

– И что делать? – спросил путеец постарше, в засаленной кепке.

– Сначала спросим машиниста, не видел ли он чего, потом проверим все вагоны, сколько успеем, а то стоянка, по-моему, минут двадцать всего.

– Вот блин, бадя какая. Чё, нам по вагонам теперь прыгать?

– Посмотрим, пошли.

И они направились к голове поезда. Жусуп мгновенно натянул штаны и перебрался в полувагон. Таня спала. Кинг лежал рядом с ней. Жусуп стал будить девушку:

– Таня, проснись! Это очень важно.

Она открыла глаза, потом закрыла и хотела повернуться на другой бок, но вдруг резко поднялась. Бейсболка соскочила, и копна чёрных волос рассыпалась по хрупким плечам. Волосы торчали во все стороны, лицо сонное, да ещё и в угольных разводах. Ну точно – фея Моргана. Жусуп еле сдержался, чтобы не рассмеяться.

– Ты? Ты что здесь делаешь? Ты здесь ночевал?! – испуганно закричала она.

– Тише, тише, не кричи, – прошептал Жусуп, – там полиция.

При этих словах её глаза стали ещё больше. Она замерла.

– Успокойся, я не помню, как уснул. А проснулся – услышал разговор охранников. Вчера Ермака видели, как он бегал по крыше, и сейчас вагоны будут проверять.

– Что, что делать? – запаниковала она.

Кинг беспокойно забегал по вагону.

– Успокойся, на вот, воды попей, – он протянул ей бутылку. – Прикажи ему сидеть тихо. Я буду наблюдать. Они начнут проверять с головы поезда, но времени у них мало. Если будут приближаться, надо будет прыгать и бежать.

Она жадно пила из бутылки. Потом, с трудом оторвавшись, отдала команду собаке:

– Кинг, сидеть! – тот сел рядом с ней, и она прижалась к нему.

Жусуп залез на борт и стал наблюдать. Вдруг он почувствовал руку на плече. Это была Таня.

– Послушай, не оглядывайся, пожалуйста... – сказала Таня.

– Понятно, – ответил он.

Жусуп наблюдал за локомотивом. Минут пять ничего не было видно, затем он увидел на крыше первого вагона охранника. Тот ловко перепрыгивал с крыши на крышу, осматривая люки, говорил что-то тем, кто шёл внизу. Вот он дошёл до полувагона, о котором говорил Перс, и застыл на месте. Затем спрыгнул внутрь и позвал путейцев. Те поднялись. Старый выругался и снял кепку. Молодого стошнило. Охранник что-то говорил по рации. Вскоре в их сторону пробежало несколько человек. Один из них был в белом халате. Люди спустились к трупу, молодой путеец остался наверху, побоялся. Жусуп видел, как обгоревшее тело вытаскивают из вагона. Молодого попросили помочь, чтобы перехватить руки, но тот не удержал, и тело, перевернувшись через край, шмякнулось на землю. Кто-то заматерился, но охранник успокоил его:

– Да ладно, Матвейч, не горячись. Ему теперь без разницы.

Положив труп на носилки, они понесли его вдоль вагонов на станцию. Жусуп сделал знак рукой Тане, тихо сел рядом с ней, и они замерли. Железнодорожники проходили мимо.

– Наверное, этот бегал, его проводами и долбануло, – сказал кто-то из них.

– А как же другие вагоны? Будем проверять? – спросил молодой.

– Молчи уж, проверяльщик, поезду трогаться надо. Проверять его всё равно будут от Аула до Рубцовска, на российской границе, да ещё с собаками, на случай наркоты, – деловито ответили ему.

– А может, его убили? – не унимался молодой.

– Да заткнись уж, следаки разберутся... – и голоса затихли.

– Что за труп? Ты знаешь? – заволновалась Таня.

– Успокойся, всё будет хорошо. Я сейчас переберусь к ребятам, и мы что-нибудь решим. Боюсь, что днём по вагонам теперь не побегаешь.

Поезд тронулся и стал набирать ход. Минут через двадцать, когда состав далеко отъехал от станции, Жусуп осторожно выглянул за борт. Мимо плыла бескрайняя степь, усыпанная красными маками.

– Мне пора, – сказал он Тане, – у тебя есть что покушать? Боюсь, что вернуться не скоро.

– Да, у меня мешочек орехов с изюмом. Самая калорийная пища. Лепёшки, вода. Всё нормально. Да и Кингу в зоомагазине вокзала купила собачий корм. Наверное, хватит.

– Вот, возьми ещё, – Жусуп отдал ей оставшуюся тушенку. – Нож есть?

– Нет.

– Тогда вот тебе и нож.

Не знал он тогда, что отдавать другому свой нож – плохая примета.

* * *

Жусуп перемахнул на соседний вагон. Для осторожности пополз по крышам. Добравшись до люка, открыл его. Было шесть утра, ребята сладко спали. Внутри застоялся резкий травяной запах. «Укурились», – понял Жусуп и ввалился в люк. От шороха проснулся Перс.

– Ты чё? Ты где был? – он прильнул к бутылке с водой.

Жусуп рассказал обо всём, что видел. Перс не на шутку встревожился и разбудил остальных. Они стали думать, что делать. Пробили щель в деревянной стене вагона, чтобы наблюдать, какие станции и полустанки проезжают. Листы из атласа лежали на импровизированном столе. Ходить по крышам и готовить пищу теперь нельзя, нужду справляли быстро и вне населённых пунктов. Выкинули из рюкзаков лишнее, оставив самое необходимое. Свою карту Жусуп припрятал поглубже в рюкзак.

– После Аула прыгать будем, – предупредил Перс, – границу лесом перейдём.

Все были напряжены. До Рубцовска оставалось ехать день. Жусуп не виделся с Таней сутки и начал скучать. Вечером сказал Персу, что надо бы забрать казан, который может ещё пригодиться. Тот согласился, но сейчас они проезжали Семипалатинск, и идти Жусупу пришлось, когда стемнело. Пока дополз до полувагона, идти обратно было слишком темно, и Жусуп остался с Таней. Их вновь увлекли бездонность ночного неба, любимые звёзды, о которых он много знал, стихи Уитмена и пиратские истории про Джозефа Монгола.

Жусуп открыл глаза. Так быстро ночь пролетела, кажется, и не спал вовсе. После долгих разговоров Таня уснула у него на плече, а он долго смотрел то на звёзды, то на её лицо, озаряемое лунным светом. «Утром расстанемся, – переживал он. – Как сложится её судьба? Бежать в лес с нами отказалась. Сказала, что сойдёт на Локте и что-нибудь придумает. Отчаянная...»

Таня казалась Жусупу нераскрывшимся цветком, пробивающимся в ключей степной зелени, чтобы в один прекрасный момент одарить всю степь ярким цветом, источая чудный дурманящий аромат. «Пусть в жизни встретит Грея под алыми парусами, – пожелал он, – она мечтает о многом, пусть исполнится хоть малая часть того».

Бережно укрыв её своей курткой, Жусуп встал и полез на крышу вагона. Оглянулся. Она спала. Кинг лежал рядом, положив голову у её ног. «Прощай, Таня», – прошептал мальчик.

* * *

– Ты чё, сбрендил? Где был? – спросил его Перс, как только Жусуп спрыгнул в люк.

– Вчера темно было, я побоялся с этой бандурой тащиться... Ну и с моим зрением, сам понимаешь, – ответил он ему, поставив казан на тюк с хлопком.

– Тащиться с ним тебе и придётся, привяжи его к своему рюкзаку. А где куртофан?

– Да там оставил по запарке.

– Ничего ценного внутри нет? А то возвращаться уже нельзя.

– Да вроде ничего, – медленно проговорил Жусуп, вспомнив, что во внутреннем кармане были зашиты мамины пятьсот долларов. Перс стал будить остальных.

– Подъём, пацаны, через час прыгаем. Вот вам ваши паспорта и по сто долларов на всякий случай, вдруг кто отстанет или кого поймают. Мало ли что может случиться.

Проехав Аул, они вылезли из вагона и приготовились прыгать. Первым спустился на подножку Ермек, как самый спортивный среди них. Поезд замедлял ход, видимо, приближалась пограничная станция. Он прыгнул точно посередине между столбами. Сгруппировавшись, кувыркнулся через бок и встал на ноги.

– Лови! – крикнул Перс, бросив ему рюкзак с вещами.

Следующим был Жусуп. Очки пришлось снять, чтобы не разбились.

– Давай крикну, когда прыгать, – предложил сверху Перс.

Жусуп кивнул. Столбы, как ему казалось, мелькали слишком часто.

– Пошёл, – крикнул Перс. Жусуп замешкался, но прыгнул, чуть не попав телом в столб. Чудо спасло. Специально ли Перс дал позднюю команду, или Жусуп сам прыгнул чуть позже, было непонятно. Еле встал, всё тело болело от сильного удара о землю. Лихорадочно стал искать во внутреннем кармане очки, пока их надевал, не увидел, куда бросили рюкзак с продуктами и кананком. Начиналась лесополоса, по краям дороги зеленели густые кустарники. Жусуп пошёл вслед за поездом – Перс приказал всем идти вперёд, чтобы собраться вместе. К сожалению, пришлось задержаться, он искал рюкзак, но всё было тщетно. Вскоре его нагнал Ермек, неся огромный баул за плечами.

– Чё, рюкзак потерял? – спросил он.

Они поискали вместе, но безрезультатно. Больше всего Жусуп переживал о потере своей карты.

– Ладно, пойдём, а то уже совсем рассвело. Вдруг заметят, – сказал Ерёма.

Они двинулись вперёд и минут через десять встретили Перса и Жорку. У Жеки на лице кожа была сильно поцарапана, видимо, попал в колючие кусты. Перс будто и вовсе не прыгал. Бывалый.

– Где рюкзак с хавкой? – спросил он Жусупа.

– Потерял. Искали с Ерёмой, не нашли.

– Очкарик чёртов, чё жрать теперь будем? – разозлился Перс. – У Жорки в рюкзаке только на день-два хватит.

– Могу вернуться, братаны, посмотреть ещё, – Жусуп чувствовал себя виноватым, да и невезучим, ведь потерял главное – свою карту.

– Ты чё, дурак? Граница совсем рядом. Уже светло. Засекут. Пошли.

До леса было метров сто. Вдруг они увидели, что на просёлочной дороге, идущей параллельно рельсам, за клубилась пыль. Какая-то машина неслась в их сторону.

– Погранцы российские. Бежим! – закричал Перс и что есть мочи первым рванул к лесу. Ещё бы, ведь у него в рюкзаке была грелка с марихуаной. Все помчались за ним. Жорка отставал. Здоровенный рюкзак болтался на его маленькой спине. Жусуп остановился и помог ему. Побежали вместе, но всё равно отстали от остальных. Машина приближалась, и когда подростки почти уже были в лесу, раздалась автоматная очередь, лай собаки, крики пограничников. Они припустили ещё быстрее, сердца их бешено колотились. Неслись куда глаза глядят, не останавливаясь. На пути попался широкий ручей. Не раздумывая, они зашлёпали по нему, оскальзываясь и падая на скользких камнях. Перебрались на другую сторону. Пробежав ещё немного, упали без сил, тяжело дыша.

– А, плевать, пусть ловят. Я больше не могу, – простонал Жорик.

Жусуп ничего не ответил, голова кружилась, от учащенного дыхания болели лёгкие. Так долго и так быстро он не бегал никогда. «Будь что будет», – ему тоже стало всё равно. Они затихли, спрятавшись в небольшой ложбинке за деревьями. Вроде тишина, звуков погони не слышно. Вдруг кто-то пробежал совсем близко, ломая ветки и тяжело дыша.

- Кажись, ушли, – слышался голос Перса.
– Может, дальше рванём? – предложил Еремек.
– Тебе легко говорить, спортсмен. Пацанов потеряли, где их теперь искать будем, не кричать же?
– Мы здесь! – Жусуп выглянул из укрытия.
– Оба на, вот везуха! – обрадовался Ерёма.
– А у тебя чё с плечом? – спросил Перс у Жорки, когда те подошли к ним ближе.
– А? – не понял Жорик.
– Ты в крови весь!
До локтя правая рука Жорки была залита кровью.
– Тебя же пулей зацепило, баран, – процедил Перс, рассматривая рану. – Ерёма, давай, что там у нас в аптечке есть. Надо обработать.
Жорик, увидев свою руку, резко побледнел, ноги его подкосились. Он стал оседать на землю, Жусуп еле успел его подхватить.
– Да не ссы ты. Пуля скользом прошла, – ругнулся Перс. – Просто это знак хреновый, в следующий раз она не ошибётся.
Жорка побледнел ещё сильнее. Ребята перевязали ему руку, похлопали по щекам. Потихоньку тот пришёл в себя.
– Они чё? Совсем сдурели, по детям стрелять! – простонал Жорик.
– Думали, наркопериовозчики, – ответил Перс. – Знаешь, сколько наркоты в Россию везут? Ладно, вставай, нам надо идти. Ботан, определи по компасу дорогу.
Жусуп взял атлас и вытащил из кармана компас:
– Пойдём на северо-восток, обойдём Рубцовск и выйдем на Новосибирскую автотрассу. Там сможем добраться на попутках.
Нацепив рюкзаки, четвёрка двинулась в путь.

В деревне

Через три часа подростки набрали на какое-то селение, но решили остаться в лесу. Разожгли костёр, поставили рядом с ним открытые консервные банки. Когда те закипели, их содержимое стало вываливаться через край. Они стали быстро оттащить банки от костра. Одну банку опрокинули, что сильно разозлило Перса.

– Не, так не канают. Долго не протянем. Ещё ботан рюкзак прозевал с едой и казаном. Надо в деревню чалить: воды набрать, картошки надыбать да кастрюлю какую-нибудь старую.

– Кто пойдёт? – спросил, а по сути приказал Перс, глядя на Жусупа с Еремком.

И они пошли, словно партизаны в деревню, захваченную врагами, взяв с собой пустую пластиковую бадейку для воды. С опаской, крадучись, в незнакомое место, к чужим людям.

Но место оказалось сказочным. Трудно словами передать ту необыкновенную красоту, которая вдруг перед ними раскрылась. Невысокие деревянные срубы расположились вдоль небольшого озера, обрамлённого высоким сосновым бором. По берегу то здесь, то там сохли вёсельные лодки и привязанные моторки. Солнечный свет струился по зелёным холмам. Петухов не было слышно, стадо ушло ранним утром на пастбище, лишь ленивые куры бродили по просёлочной дороге и клевали коровьи лепёшки. Людей на улице не было – пора сенокоса. Жусуп с Еремком увидели деревянный колодец с железной ручкой и крутящимся барабаном, на цепи которого висело ведро. Они

подбежали и, бросив ведро в колодец, с каким-то неподдельным ребячьим интересом стали крутить ручку барабана. Вода была чистая, вкусная и очень холодная. К колодцу подошла немолодая женщина с коромыслом на плечах.

– Ой, казачата, а вы-то откуда здесь? – спросила она, удивляясь.

– Здравствуйте, тётенька! Мы здесь в экспедиции, историко-патриотический кружок «Родина». Познаём нашу и вашу необъятную страну, – Жусуп важно поправил очки на переносице.

– Здравсьте, здравсьте, знаем мы вас, следопытов. Помогите лучше воды набрать, – заворчала она.

Ребята быстро наполнили её ведра и предложили донести до дома. Когда пришли к старой, чуть покосившейся избе, женщина предложила им зайти, молочка попить.

– Спасибо, тётя Глаша, – пока шли, они познакомились, – не откажемся, но нас отряд в лесу ждёт. Можно, мы у вас ещё и картошки попросим, да и кастрюлю какую-нибудь никудышную?

– Ишь вы какие. Откуда картошке-то взяться? Только вот посадили, и кастрюль лишних у меня нет. Дам вам ведро старое. Оно целое, только ручка сломалась.

– Ничего, починим, а картошечки, может, немного найдёте? – продолжал, улыбаясь Ермек.

– Может, и найду, бусурман, – улыбнулась она ему в ответ, затем вошла в дом и вынесла крынку холодного молока.

Пока ребята его пили, она с трудом притащила ведро, наполовину наполненное картошкой. Ермек быстро нашёл возле сарая какую-то проволоку и привязал ручку к ведру:

– Вот, тётя Глаша, всё готово. «Казахская сварка» называется. Спасибо вам!

– Ну, идите уже. Да нет, постойте. Федька! – крикнула она.

– Чего? – услышался ленивый голосок из хаты.

– Внучок мой, – сказала она ребятам. – Подь сюды.

– Ну? – на крыльце появился шестилетний пацан в майке-алкоголичке и коротких штанах, босой и заспанный.

– Возьми Ванькины удочки да сходи с ребяташками, покажи им место. Пусть рыбы для отряда наловят.

– Так Ванька заругает, – ответил малой.

– Не заругает. Я ему скажу. Они ведь родину нашу изучают. Ну, иди уж, – она погладила его по голове.

Федька сходил в сарай и вернулся с удочками. Ребята ещё раз поблагодарили тётю Глашу. Затем, счастливые, побрели за внуком. Какая это радость для городского пацана – порыбачить на берегу колдовского озера! Ближе к вечеру довольные пацаны вернулись в лес с добычей.

– Ну вы даёте! Суперкласс, считается! – обрадовался Жорик.

Перс недовольно заметил:

– А эту шоблу вы на нас навели?

Ребята оглянулись: к ним приближалась группа подростков с палками в руках.

– Давай сюда! – крикнул Перс, показывая на густые кусты. – Здесь встанем, тогда хоть со спины никто не зайдёт. А это тебе, отмашешься, если что, – он протянул Жорке свой тесак. Тот взял его дрожащими руками.

Местные, мелькая между соснами, наконец появились на опушке. Во главе шагал Рыжий – крепкий загорелый пацан среднего роста в невозможно яркой красной рубахе. Он картинно поигрывал бейсбольной битой. «Главарь, –

решил Жусуп. – Бита настоящая, не самопал. У остальных – простые дубаки». За Рыжим, набычась, топал огромный детина-переросток. Черноволосый, густобровый, с глубоко посаженными глазами, он напоминал разъярённую гориллу. «Человек-гора! Кулаки, как дыни. Капец!» – Жусуп судорожно сглотнул.

– Вы чё, казачки, – сказал Рыжий, – совсем обурели? Нашу рыбу без спроса ловите? Мы таких ухарей сильно наказываем.

– Да вы чё, братва, – начал переговоры Перс, – вам рыбы, что ли, жалко? Да заберите, если так.

– Ты чё, фиксатый, нашей рыбой будешь распоряжаться? Так мы тебя первого на кукан насадим.

– Ты базар фильтруй, брат, – зло ответил Перс, – кто кого насадит, ещё посмотрим.

– Я тебе не брат, понял?! – напирала красная рубаха. – Гоните бабки, если хотите нашу рыбу хавать.

– Какие бабки? Ты чё, рамсы попутал?

– Пять рыб – пять штук, – ответил Рыжий.

– Какие пять штук, да им цена двести рублей за всё, – Перс автоматически включился в торг.

– Ты чё, думаешь, лохов нашёл? А ну-ка, робя, разберитесь по двое-трое на каждого! – обратился он к своим холопам.

Местные стали окружать ребят. Их было человек восемь.

– Не спеши, деревня! – раздался резкий голос, из-за кустов вышла Таня. В жусуповской коричневой куртке, джинсах и кепке она была похожа на пацана. Рядом с ней, как всегда, был Кинг.

– Это ещё кто? Не поймёшь, то ли пацан, то ли баба! – усмехнулся главарь. – Гляди, пёс-то и тявкать не умеет, а эта рыпается. Васька, ну-ка надавай ей щелбанов.

Худой русоволосый подросток отделился от толпы и пошёл в сторону Тани, держа дубинку наперевес. Вдруг прозвучала команда «Фас!», и Кинг молча бросился на пацана. Это было так стремительно, что тот и не понял, как оказался на земле. Пёс склонился над пацаном и грозно зарычал, оскалив острые клыки.

– Фу, Кинг, ко мне! – крикнула Таня.

Тот послушно вернулся назад и сел у левой ноги хозяйки. Наступило молчание. Васька, бледный, с мокрыми штанами, спрятался за спины приятелей. Такого никто не ожидал. Но отступить значило потерять лицо перед своими.

– Ладно, – сказал Рыжий, – ты, Илюха, вырубишь фиксатого, а я с собакой разберусь, – он вытащил охотничий нож.

– Раз так, – Перс взял из дрожащих рук Жорки свой тесак и встал, загнув собой Таню, – не знаю, чем кончится, но одному из вас я точно череп пополам раскрою!

Опять наступила заминка. Таня была бела от страха.

– Ты как? – тихо спросил Жусуп у Ермека.

– Нормально, двоих вырублю, дальше посмотрим, – хладнокровно ответил тот.

Тут Жусуп выскочил в центр и возбуждённо закричал:

– Послушайте, пацаны, начнём драться – пострадаем все! Может, решим проблему, как наши предки?

– Это как? – удивились местные. – Чё за базар, очкарик? Какие предки?

– Ну, вы дадите одного от своей братвы, а мы от своей. Кто победит – значит, те и выиграли. Согласны?

Опять наступила заминка. Затем Рыжий, оглядев своих, спросил:

– А на кону что?

Такого вопроса Жусуп не ожидал и, чтоб собраться с мыслями, спросил:

– А вы что предлагаете?

– Если мы проиграем, то рыбу вам отдадим и бутылку самогона ещё при-тащим, – ответил главарь, усмехаясь, и продолжил: – А вы, если проиграете, то бабу свою нам дадите. Без собаки, конечно.

Местные дружно заржали. Жусуп и Таня переглянулись. Что ж, придётся драться до последнего.

– Нет, пацаны, – вперёд вышел Перс, – не канает. Это не наша баба, это сеструха его. Поэтому нельзя. Но я предлагаю так сделать: если мы проиграем, то я вас чуйкой загрею.

Местным предложение явно понравилось.

– Настоящая чуйская? – загалдели они.

– Отборная! – ответил Перс.

– Базара нет, пацаны, по рукам! – обрадовался Рыжий.

Бригады разошлись в разные стороны. Деревенские, не задумываясь, выбрали здоровяка Илюху. Тот стоял и улыбался, видя, что любой из противников ниже его на голову.

– Ладно, я пойду, – сказал Перс.

– Стой! – сказал Ерёма. – Давай я, он не ожидает этого, поэтому преимущество будет на моей стороне.

Перс с уважением посмотрел на Ермека:

– Ну, удачи, чемпион.

Жусуп с Жоркой подошли и обняли бойца. Илья стоял в центре опушки. Огромный, в свободной толстовке, в широких штанах, в китайских кедах, он демонстративно разминал свои толстенные пальцы. Ермек сел на траву и стал разуваться.

– Смотри, смотри, казачок решил сразу ноги протянуть, – сказал кто-то из местных, и они опять заржали.

– Ты чё? Зачем? – спросил Жорка.

– Так привычней, – ответил Ерёма.

Они вышли на центр опушки. Все остальные встали по кругу. Разница в росте и весе бойцов была настолько велика, что никто не сомневался в победе верзилы. Лишь Жусуп знал, что победит его друг. Он подошёл к Тане и тихо сказал:

– Не волнуйся, всё будет хорошо. Мы тебя в обиду не дадим.

Она испуганно молчала.

Бойцы сошлись. Ермек поклонился Илье.

– Ты чё кланяешься? – сказал тот. – Давай по-мужски.

И он протянул руку. Ермек протянул свою в ответ. Здоровяк схватил её и стал крепко сжимать, но этим Ерёму не возьмёшь, кулаки у него крепкие. Видя, что не произвёл эффекта, как бывало обычно с новичками, Илюха левой рукой ударил Ерёму по лицу. Этого Ермек не ожидал и среагировал в последний момент. Затем попробовал вырвать руку, но не смог, а Илья под хохот местных наносил уже второй и третий удары. Решив хорошо вложиться в четвёртый раз, гигант размахнулся... И вдруг почувствовал, что куда-то проваливается. Это Ермек поднырнул под него и поддёрнул, используя его немалый вес и инерцию. Огромная туша, перевернувшись в воздухе, со всего размаха ударила оземь. Наступила тишина. Никто не ожидал такого поворота. Но в Илье сила была невероятная, он встал как в ни в чём не бывало.

Рисунок И. Кубекова

– Во блин, япощка, – он улыбнулся, скрывая боль, – удивил ты меня. Ладно, давай бороться, раз так.

И он стал подбираться к Еркему, пытаясь его обхватить. В один из моментов, когда тот в очередной раз бил ногой ему в голову, Илье удалось поймать эту самую ногу, он хотел подсесть другую, но тут Ерёма, оттолкнувшись, в прыжке ударил его по голове другой ногой. Илья слегка пошатнулся, но удержался. Еркек упал на землю. Здоровяк мгновенно навалился на него, не давая наносить удары. Но Илья тоже не мог ничего сделать, хотя такое положение дел его устраивало. Кроме самого первого раза он так и не попал в Еркема, который нанёс ему несколько хороших ударов. Ильюхе больно не было, но он выдохся уже, тяжело дышал. Рыжий, хорошо понимая, что тот проиграет в стойке, не поднимал их, а сказал Персу:

– Ну чё, наш парень победил.

– Это как? – удивился Перс.

– Как-как. Он же его поборол!

– Мы чё тут, в поборолки играем? Пусть вырубит его, тогда считово. А так лежать только на бабе можно.

Местные хохотнули. Рыжий грозно глянул в их сторону, и они осеклись. Немного помолчав, он предложил:

– Ну чё, может, ничья?
– Ну не знаю, – протянул Перс, ему тоже не хотелось обострять конфликт, – пусть сами решат.
– Эй! – крикнул Рыжий лежащим на земле. – Согласны на ничью?
– Согласен, – пробасил Илья.
После некоторой паузы Ермек подтвердил:
– Согласен.

После этого все пацаны побратались. Илья с Ерёмой сходили на озеро, умылись. Местные сгоняли в деревню за самогоном, огурцами и салом. Жусуп приготовил уху в ведре из двух видов рыб, которых они поймали, добавил в суп измельчённое мясо из тушёнки, картошку. Получилось вкусно. Позже, когда все сидели вокруг костра, допивали самогон и курили травку, рыжий Иван пел песни под гитару, которую ему принесли. Жусуп с Таней ушли. Ему захотелось показать ей лунную дорожку на озере.

У озера

– Ты как очутилась в этом лесу? Ты же должна была на Локте сойти? – спросил он.

– Как выстрелы услышала, испугалась. От страха спрыгнула, сама не помню – как. Кинг за мной. Это он потом по запаху твоей куртки вывел меня сначала на рюкзак, а потом и на вас. Знаешь, Жусуп, ты мне точно как брат, так печёшься обо мне, – её слова были приятны Жусупу и в то же время нет, но он пока не понимал почему.

Они шли по тропинке к озеру. Было светло от набирающей силу луны. Высокая трава шелестела под лёгкими порывами ночного ветра. Таня взяла Жусупа под руку, и это заставило его подобраться. Он ощутил чувство нежной заботы и ответственности за неё. Кинг тенью трусил за ними. Собачьи глаза блестели, отражая лунный свет. Неожиданно лес кончился, и впереди открылась потрясающая картина. С их стороны берег резко обрывался. Внизу лежало тёмное озеро, обрамлённое чёрными соснами с величавыми густыми кронами. Яркий лунный свет ровно падал на дрожащую водную гладь. Изредка набегали кучевые облака, но луна быстро выбиралась на свободу и снова освещала уснувший мир.

– Смотри, – показал Жусуп, – как будто наша дорожка не кончается, а превращаясь в лунную, уходит в небо.

– Мечтатель, – улыбнулась она, – давай присядем здесь.

Они сели на поваленное дерево. Было тихо. Из леса доносились смех, говор пацанов, звуки гитары, временами ухала сова, слышалось хлопанье крыльев, высоко раздавался свист ночной птицы, неустанно трудились сверчки, но весь этот шум тонул у обрыва, в этой таинственной тьме серебряного озера.

– Танюш, огромное тебе спасибо, что нашла рюкзак.

– Да-да, вы, пацаны, только о еде и думаете, – улыбнулась она.

– Нет, смотри, – и он достал из-под майки сложенную карту, – я тебе сейчас расскажу про неё.

Однажды Джозеф зашёл в каюту капитана Дрейка и увидел его за странным занятием. Тот сидел за столом, перед ним лежал огромный рулон пергаментной бумаги, свисающей большей частью на пол. Фрэнсис, используя какие-то приборы и инструменты, аккуратно что-то вычерчивал.

– А, это ты, Джозеф? Проходи, – подзвал его капитан, придвигая к столу ещё один стул, – садись. Будешь мне помогать.

– Что это? – спросил Монгол.

– Это моя карта. С помощью этих приборов я определяю координаты мест, где мы проходим. Ты, наверное, заметил, что я стараюсь идти вдоль берегов. Но это не только потому, что нам нужна питьевая вода. Я изучаю очертания побережий и переношу их на мою карту.

– И зачем вы это делаете?

– Мир должен знать, как он выглядит.

– Ну это даже первоклассники знают.

– Вот-вот, сейчас это знают люди первого класса, наиболее образованные, – Дрейк поднял вверх указательный палец, – а я хочу, чтобы у каждого капитана на корабле была моя карта. Это поможет им избежать опасностей и идти верным курсом.

– Так давайте я вам помогу! – предложил Джозеф. – Я по координатам точно не знаю, но общую картину мира могу нарисовать. Дайте мне чистый лист, я попробую по памяти.

Прошло достаточно времени. Он графитом разлиновал по долготе и широте два полушария, затем зелёной краской нанёс по памяти материка, оставшаяся часть выкрасил синим цветом. Белым оставил полюса.

– Вот, – монгол протянул рисунок Дрейку.

– Что это? – спросил тот удивлённо.

– Карта мира, – замялся Джозеф. – Ну не всё, может, получилось, но в целом планета выглядит примерно так.

– Ты что, салага, действительно считаешь, что весь мир можно уместить на двух листочках? – усмехнулся капитан. – Вот, смотри, какая большая у меня карта, а это только расстояние от Плимута до берегов Испанского моря.

– Какого испанского? – удивился юнга.

– Да я так называю океан, которому Магеллан дал имя Тихий. Тысяча чертей, как мог он назвать так этот бушующий котёл? А здесь почему всё белое? – он указал пальцем на рисунок Джозефа.

– Это Антарктида – южный континент, а это Северный Ледовитый океан. Белое, потому что там всё во льдах.

Они ещё долго сидели, разбирая карты Джозефа и Фрэнсиса. Позже капитан дал юнге задание делать зарисовки бухт, в которые они заходили. Так они убрали много несуществующих земель с испанских карт. В итоге после их совместной работы материка Южной и Северной Америки приняли более правильные, знакомые нам сегодня очертания.

Он остановился и посмотрел на Таню. Та слушала как заморожённая и смотрела на лунное озеро.

– Как хорошо, – медленно заговорила она, – вот так бы жить всю жизнь, любоваться этой красотой, воспитывать детей. Не думать о куске хлеба. Чтобы любовь и счастье были в семье. И света, побольше света...

– Как здорово ты сказала, – ответил Жусуп, – «больше света», – и тут же начал читать: «Среди миров, в мерцании светил, / Одной Звезды я повторяю имя... / Не потому, чтоб я Её любил, / А потому, что я томлюсь с другими. / И если мне сомненье тяжело, / Я у Неё одной ищу ответа, / Не потому, что от Неё светло, / А потому, что с Ней не надо света».

– Классно. Чьи стихи?

– Анненский.

Стало холоднее, и Жусуп накинул на Таню куртку. Потом несмело обнял её. Она склонила голову ему на плечо.

– Почитай мне ещё, мне никто до тебя не читал стихов.

Жусуп вспомнил любимого Блока, а потом других поэтов, словно какая-то волшебная фея вдохнула в него силы. Таня слушала, утопая мыслями в мечтах о будущем, о счастье, о любви.

– А помнишь, ты говорил, – вдруг сказала она, – что в состоянии счастья люди не могут заразиться при поцелуе?

– Да, но это теория, родившаяся под воздействием марихуаны, и потому она сомнительна.

– Жаль, хорошая теория, – она замолчала.

В этот момент ей хотелось, чтобы он её поцеловал, но неопытный Жусуп этого не почувствовал. Он продолжал читать стихи, а потом спросил её:

– А хочешь, я тебе ещё расскажу про Джозефа?

– Давай, – без энтузиазма согласилась Таня.

Её мысли были уже о другом: «Белоручка. Наверное, его никогда жизнь не обжигала. Живёт на всём готовом, об океане мечтает, а некоторые в иной день без копейки в кармане остаются. Всё ждут, когда эта полоса чёрная закончится».

Жусуп тем временем увлечённо рассказывал новую историю:

Пятый день их галеон нёсся по Атлантическому океану, уходя от погони трёх испанских бригантин. Матросы работали не покладая рук, меняя паруса, ловя попутный ветер. Когда подошли к Магелланову проливу, капитан приказал снизить скорость. Звёзды тускло мерцали. За бортом гулко шумел океан. Ветер изредка обдувал стоящих на мостике Дрейка, Джозефа и Сильвера. Старый кок курил трубку, Монгол молча наблюдал за бегущими тучами, Фрэнсис всматривался в океанскую тьму.

– Плохое предчувствие, – наконец протянул он, глядя на пролив, – ждут нас испанцы в этой западне.

– Да уж, – вторил ему Джон, – впереди ждут, сзади напирают. Лопни моя селезёнка, без боя не обойтись. Да и затишье, как перед бурей. Надо бы мне на камбузе закрепить всё покрепче.

– Дальше камбуза не улетит, – попытался пошутить Джозеф.

– Салага, ты ещё не знаешь, что такое настоящий шторм, когда бросает корабль так, что простая кастрюля, слетев с полки, может отправить тебя к праотцам.

– Действительно, нехорошая тишина, но идти надо, другого пути нет, – решительно сказал капитан и хотел уже дать команду поднять все паруса.

Но тут неожиданно вмешался Джозеф.

– Постойте, капитан, есть другой путь. Мы можем пройти ниже Огненной Земли.

– Ты что несёшь, Джо, – перебил его Сильвер, – там же южный континент, весь во льдах, там-то нас ждёт верная смерть!

– Постой, постой, Джон, – заинтересовался Дрейк, – почему-то мне всё больше и больше хочется верить этому монголу. Его нам сам бог послал. Ну, выкладывай, что там за путь.

– Понимаете, Огненная Земля – это архипелаг и продолжение Южной Америки, а между ним и вашим «южным континентом» есть широкий пролив, который потом назовут вашим именем.

– Откуда ты это знаешь? – поинтересовался капитан.

– В школе изучали, – простодушно ответил Джозеф.

Дрейк и Сильвер рассмеялись. Мыслимое ли дело, чтобы какой-то несмышлёныш изучал науку, подвластную только опытным путешественникам? Но Фрэнсис всё-таки, изумляя Джона, согласился с предложением юнги:

– Хорошо, я поверю тебе. Но учти, малыш, если ошибся, то висеть тебе вон на той рее, – он показал рукой высоко вверх, затем отдал команду: – Лево руля, курс строго на юг! Поднять все паруса!

Сильвер стал спускаться по трапу, держась за канаты. Он слабо верил в слова юнги. Джозеф плёлся вслед за ним, сомневаясь, что скоро будет шторм. Уж слишком спокойным был вечер. Почти до утра они делали привычную работу, а помимо этого закрепили всё что можно. Когда приготовили баланду, Сильвер перелил всё из большой кастрюли в пустой бочонок из-под рома.

Джозеф спросил:

– Зачем? Матросы скоро будут завтракать?

– Не успеют. Да и не до завтрака им будет. Помоги лучше её привязать, – и Джон взял огромную кастрюлю за ручку.

Вдруг судно резко бросило в сторону, и пустая посуда полетела по камбузу, как снаряд, в следующую секунду с силой ударившись о стену. Джозеф упал и больно ударился о край стола. Джон помог ему встать.

– Держись за что-нибудь и сядь на пол, так безопаснее, это только первая волна. Дальше будет страшнее, – сказал Сильвер.

Вскоре корабль метался, как ореховая скорлупка, на огромных волнах. Джозеф смотрел в иллюминатор, крепко держась за поручни. Небо и океан вмиг слились в одно тёмное пугающее чудовище. Волны с огромной высоты падали на корму. Кораблек то поднимало на гребень, то бросало в пучину. Капитан принял решение дать галеону свободно двигаться и встречать попутные волны под небольшим углом. Ветер был шквальным, и он приказал убрать паруса и мачты, дрейфовать под рангоутом и плавучим якорем...

Жусуп размахивал руками, изображая бурное море, показывал, как пиратов бросало от борта к борту, как героически капитан отдавал команды. Но тут пришел Ермек и прервал Жусупа:

– Эй, родственнички, собирайтесь, пойдём в село. Ванька обещал нас расселить, а то в лесу задубеем.

Эту ночь ребята ночевали на сеновале рядом с избой, укрывшись тёплыми лоскутными одеялами. Таню тётя Глаша взяла с собой в дом.

Рыбалка

Жусуп проснулся от пронзительного крика петуха. Запах сена опьянял. Пацаны спали. Он спустился с сеновала и, выйдя во двор, сладко потянулся. Сине-розовый цвет разливался по небу. По улице тянулось коровье стадо, звеня колокольчиками, создавая беспорядочный, но душевный перезвон. Удивительное свойство деревенской жизни – абсолютное замедление времени и бесконечное расширение пространства. «Как необычно вокруг, – удивлялся Жусуп, – вот так живёшь в бетонных джунглях и не видишь всей этой красоты».

Иван умывался у рукомоиника. Тётя Глаша стряпала на летней кухне. Жусуп поздоровался с ними.

– А, проснулся, касатик, ты почему так рано? Сестрёнка спит ещё. Ну сходи, принеси воды, а то Ванька всю использовал, вам нечем умываться будет, – сказала хозяйка.

Жусуп взял вёдра и пошёл к колодцу. Дорогу он знал. Когда вернулся, заметил, что Рыжего уже нет.

– Побёг к бригадиру отпрашиваться, – объяснила хозяйка, – хочет с вами день провести.

– А можно, я там сяду? – Жусуп показал в сторону стола.

– Иди, иди, касатик, завтракать через час будем, на вот, молочка попей, – и она протянула ему полный стакан.

Жусуп сел за стол, достал из рюкзака блокнот и начал писать. Учительница по литературе, добрая Людмила Титовна, когда-то посоветовала ему вести дневник. А узнав, что он периодически видит сны о Джозефе Монголе и Великом Дрейке, строго наказала записывать и их. Хотя порой Жусупу казалось, что всё то, что происходило с Джозефом, было с ним самим наяву. Через час поднялись все, кроме маленького Федыки. Тётя Глаша накрыла стол. Стопка белобоких блинов со сметаной и мёдом, душистый чай на самоваре – что может быть лучше? Ребята накинулись на еду.

– Сейчас на озело подём, – сказал Ванька с набитым ртом, – покажу лыбные места.

Все одобрительно загудели.

Шли долго и наконец оказались у тихой заводи. Огромная ива свисала над водой. Ветви были такие толстые, что на них можно было сидеть.

Пацаны стали разбирать снасти.

– А где можно поплавать? – несмело спросила Таня.

– Ну только не здесь, ты нам всю рыбу распугаешь, – ответил Ванька.

– Своим видом, – вставил Ермек.

Все, кроме Жусупа, захохотали.

– Ну ладно, ладно, – успокоил её Ванька, – пойдём, покажу. Здесь недалеко чудесный плёс есть. Но смотри, вода пока ещё холодная.

– Ничего, – ответила она, и они ушли.

Минут через пятнадцать Ванька вернулся.

– Ты чё-то подозрительно долго, – ухмыльнулся Перс, скрывая внутреннее напряжение.

– Да брось, там и смотреть не на что. Ну так чё, рыбачить начнём? – ответил Рыжий.

Рыбалка для пацанов сейчас была важнее всего. Нацепив на крючок жирных червяков, дружно забросили удочки. Удивительно, насколько терпеливыми становятся мальчишки, когда дело касается ловли рыбы. Могут ждать невероятное количество времени до момента, когда клюнет. Но место оказалось «клёвым». Ребята стали ловить рыбу одну за другой. Ванька отбирал крупных и насаживал их на кулан. Дело спорилось. Настроение было хорошее. Вдруг послышался шорох, и из прибрежных кустов появилась тоненькая девушка в лёгком сарафанчике. Пацаны оглянулись, да так и застыли от неожиданности. Сначала они даже и не узнали её. Таким резким был контраст между серой мышкой в джинсах, куртке и кепке и этой воздушной красавицей с кудрявыми чёрными волосами в облегающем мокрое тело сарафане, сквозь который, как пуговики, проглядывали соски. Таня машинально прикрылась пакетом с грязными вещами.

– Вы чего? – спросила она. – Я тоже порыбачить хочу.

– Садись, садись! – первым вскочил Перс. – На вот, – и он протянул ей свою удочку.

Тут уже все стали предлагать Тане кто червяка, кто место получше. Так и закружились над ней, как мухи. Только Жусуп продолжал молча ловить рыбу. Он не был внезапно поражён видом Тани, так как раньше всех заметил и почувствовал, как она красива. Ему даже стало неприятно, что её красота стала теперь достоянием всех. Таня заметила его реакцию и, взяв удочку Перса, подошла к Жусупу.

– Можно рядом с тобой, братик? – с нежностью спросила она.

– Да-да, конечно, – пододвинулся он, поправляя очки.

Пацаны восприняли это как должное. Со вчерашнего дня для всех они – брат и сестра. Жусупу это не нравилось, в его душе росла ревность. Такие переживания он испытывал впервые и сам пока не понимал – откуда это. Перс и Ванька, перебивая друг друга, учили Таню, как правильно подсекать. Ермешка рассказывал анекдоты, Жорка заразительно смеялся, думая этим обратить на себя внимание. Конечно, настоящей рыбалке пришёл конец. Ведь молодая девушка завсегда интереснее рыбки, даже золотой. Наступал день. Припекало. Клевало уже реже. Когда набралось два тяжёлых кукана, Ванька предложил уходить. Пацаны только этого ждали и дружно попрыгали в воду, не боясь распугать рыбу. Тане пришлось уйти, так как они купались голышом. Довольные, чистые и с приличным уловом ребята вернулись в дом. Тётя Глаша нажарила рыбы, да к ней ещё картошки. Сидели до позднего вечера, не пили – стеснялись тётки.

Позже ребята пошли покурить, а Таня осталась помогать тёте Глаше. Убравшись, они сели на лавку, и тётка, нежно обняв её за плечи, сказала:

– Чувствую, милая, беспокойно тебе. Случилось что?

Таня молчала некоторое время, борясь с нахлынувшими вдруг чувствами. Побег мучил её, она знала, что родители сходят с ума от неизвестности, переживают, и ей нестерпимо захотелось повиниться хотя бы перед этой простой деревенской женщиной, которая с такой добротой встретила, пригрела и накормила их всех. Слова вместе со слезами полились сами собой...

– Ах, тётя Глаша! Я ж из дому сбежала...

– Да как это! Зачем?

– Тётя Глаша, поклянитесь, что никому не расскажете о том, что я вам сейчас скажу.

– Что ты, милая, али я цыганка какая-нибудь...

За какие-то полчаса перед этой пожилой женщиной пролетела вся непутёвая жизнь семнадцатилетней девчонки. Их большая семья жила в хлопководческом колхозе недалеко от Ташкента. В советское время там успешно выращивали хлопок. Но потом её отец, некогда ведущий агроном села, остался не при делах. Мать вела дом, воспитывала пятерых детей. Двое старших братьев Тани уехали на заработки. Один в Москву, другой в Новосибирск. Она только что закончила школу, а младшие близняшки были ещё маленькими. Прошлой осенью к ним в село приехал американский специалист-агроном, по государственной программе. Поместили его в школе, больше нигде, а отца определили к нему в помощники. Звали американца Фред Томсон. Командировка растянулась на три месяца. По вечерам, чтобы не было скучно, он бесплатно вёл для школьников кружок английского языка. Но занимались только три девочки, включая Таню, больше не захотел никто. Зачем английский в махалле? Отец Тани работал с энтузиазмом. Конечно, ведь он снова занимался любимым делом, хоть и платили за это гроши. Тесно сблизился с Феритом, так он его прозвал по-узбекски, иногда приглашал домой на плов. Как-то само собой так получилось, что Фред стал сниться Тане каждую ночь. Однажды, когда он был у них в гостях, они с отцом много выпили. Тот оставил его ночевать. Ночью Таня сама зашла к Фреду в одной ночной рубашке. И всё свершилось. Но не так, как она видела во сне. Было больно и неприятно. В один момент она даже попыталась вырваться, так страшно ей стало. Но было поздно – грубая мужская сила навалилась на неё. После всего, отвернувшись к стене, она тихо заплакала. Фред услышал и только тогда, в момент протрезвевший, понял, что на-

творил. Долго извинялся, мол, был пьян, ничего не соображал. Просил никому не говорить. Таня молча встала и ушла к себе. Больше они не встречались. На английский, да и вообще в школу Таня ходить перестала. Матери сказала, что чем-то отравилась. Фред улетел через неделю. Перед отъездом зашёл попрощаться со всеми и, улучив минутку, опять попросил у Тани прощения, потом английский разговорник ей подарил. Позже среди страниц она нашла тысячу долларов. Прячала эти деньги от всех. Ну как объяснить маме, откуда они? Весной приехал в гости друг отца, который работал в Ташкенте и имел свою фирму. Он предложил отцу породниться. У него недавно умерла жена, дети взрослые, так что он может жениться на его дочке сразу, как только она закончит школу. Справить свадьбу он хотел по всем восточным законам. Отец сначала был против, но мама настояла, им ещё двоих поднимать, а дочка будет как сыр в масле кататься, имея такого мужа, да и им поможет. Таня плакала, не хотела жить со старым и лысым. Мать уговаривала её, говорила, что стерпится и слюбится. Девочка, может быть, и согласилась бы в конце концов. Но как быть с таким срамом? Обычаи у них жестокие. После брачной ночи вывешивается простыня. А если все узнают, что случилось с Таней, это позор на всю жизнь. Никто никогда её замуж не возьмёт...

– Вот так и решилась на побег, чтобы все думали, что испугалась выйти за старика. К брату старшему решила поехать. В Новосибирск. Он меня любит. Может, устроит куда-нибудь на работу. Тётя Глаша, я – плохая? – Таня заплаканными глазами посмотрела ей в лицо.

– Ну что ты, милая, хорошая ты, красивая, – женщина прижала девочку к себе, – разве что много глупостей натворила. Ну ничего, жизнь-то только начинается. Обожглась на молоке, так дуй теперь и на воду. Прежде чем сделать что-то, семь раз подумай. И помни, держись всегда крепких мужиков. Таких, у которых цель есть, и которые по жизни привыкли побеждать...

Они ещё долго беседовали о своей бабской доле. Небо заволочло тёмными тучами, пошёл мелкий дождь. Прибежали мальчишки. Иван объявил хорошую новость. Через час Василь Петрович, их сосед, выезжает в Новосибирск, везёт мёд на ярмарку. Согласился тимуровцев подвезти. Если сейчас выедут, то приедут на место к девяти утра. Обрадованные таким удачным поворотом, ребята быстро собрались и через полчаса были готовы к отъезду. Тетя Глаша дала им в дорогу хлеба и сала. Перс отдал Ваньке оставшуюся чуйку. Жусуп подарил маленькому Федьке свой миниатюрный, но очень яркий фонарик. Провожая их, тётя Глаша сказала:

– Ну с богом, ребятки. Дождь в дорогу – хорошая примета! – и, обняв Таню, прошептала ей на ухо: – Пусть он смоем все старые следы.

Новосибирск

Так получилось, что водитель взял в кабину, в которой было лишь два свободных места, Таню, как единственную девочку, и Перса. По уговору тот один раз должен был заправить машину по дороге. Остальные вместе с Кингом залезли в кузов. Он хоть и крытый, но в нём всё равно было прохладнее, чем внутри. Ровный шум двигателя и замкнутость пространства выматывали. Пряный запах мёда клонил в сон, но кочки на дороге спать не давали. Поездка оказалась долгой и нудной. Жусупа злило, что Таня оказалась в компании с этим задавакой. Через маленькое окошко, соединяющее кузов и кабину, он видел, как Перс что-то весело рассказывает, жестикулирует, и представлял, как Таня, которую ему не было возможности разглядеть в это отверстие, заливи-сто смеётся. Жорка и Ермек спали. Раздражённый Жусуп и сам вскоре уснул.

Незаметно настало утро. Машина подъезжала к городу, раскинувшемуся на обоих берегах Оби, окружённому живым кольцом густого соснового бора. Как всегда, по пригороду тянулись частные постройки. По мере приближения к городу приземистые домишки превращались в двухэтажные, пятиэтажные и высотные здания жилых микрорайонов. Было видно, что город рос хаотично, без какой-либо планировки. Жусуп слышал о Новосибирске как о граде, связывающем Сибирь, Дальний Восток и Среднюю Азию, также знал о знаменитом Академгородке. Поражало множество мостов, скверов и площадей.

Наконец они подъехали к вокзалу. Он оказался классической дворцовой формы и был выкрашен в приятный салатный цвет. На большой привокзальной площади была организована городская ярмарка. Несмотря на ранний час, народ уже толпился у прилавков. Ребята помогли водителю разгрузить бочки, а затем отправились внутрь вокзала. Разместились в зале ожидания и стали продумывать дальнейший путь. Перс сказал, что денег у него осталось тысяча долларов и сорок тысяч рублей. Должно хватить до Владивостока, если взять билеты в плацкартный вагон. Ехать на товарняке опасно, за Иркутском начинается непроходимая тайга, по обоим сторонам дороги – лес стеной. Ещё можно на электричках несколько станций без билета проехать, но это проблематично, так как много полиции, а они из другой страны. В своих обсуждениях ребята забыли про Таню, которая сидела рядом.

– Слушай, Танюх, – сказал Ермак, – а давай с нами? Россию посмотришь.

– Спасибо вам, ребята, – ответила она, – вы знаете, я останусь, поеду брата искать. Надо телефонную карточку купить, я его российский номер знаю. Позвоню ему, и он всё устроит. Из его писем знаю, на каком объекте он работает. Давайте посидим вон там напоследок. Мороженое поедим. Я угощаю. Да и Кинг, наверное, заждался меня на улице.

Ясный, тёплый день и грусть прощания соединились в колючем вкусе обжигающего холодом мороженого. Они сидели на летней площадке дешёвой кафешки. Плавилась, превращаясь в молочный коктейль, сладкая масса. Было непривычно прощаться. Вроде Таня для всех посторонняя, но в то же время какая-то своя, близкая и настоящая. Пацаны, почему-то боясь взглянуть друг на друга, молчали. Но сладкое мороженое сделало своё дело, возвращая всех в детство. Вскоре подростки начали куражиться, обмазывая носы сладкой патокой. Даже Кинг порывался радостно залаять, ему ведь тоже досталось немного мороженого. Перс стал сыпать анекдотами. Все, кроме Жусупа, смеялись. А тот сидел нахохлившись и молчал, ковыряя ложкой в креманке. «Уезжаю, уходит, расстаемся, не увидимся, – тихая грусть охватила его, – только начал знакомиться с девчонкой, да ещё с такой красавицей, а тут опять расставание. Я же ей ещё не все стихи прочитал, да и про Дрейка не всё рассказал...»

– Эй, апаш, чего невесёлый такой? – вдруг услышал Жусуп.

Развеселившаяся Таня прямо смотрела ему в глаза. От этого взгляда невозможно было оторваться.

– Да размышляю, как ты будешь одна в большом незнакомом городе. Беспокойно как-то.

– Да брось ты, – перебил его Ерёма, – что может случиться? У неё брат, она знает, где он работает. Да и Кинг с ней.

– Во-первых, – разгорячился Жусуп, – у брата телефон отключён. Во-вторых, он может работать на другом объекте. В-третьих, в гостиницу или на квартиру с собакой не пустят. Да и город весь растянут, не поймёшь, то лес, то снова город, потеряться легче лёгкого.

– Чё ты заскулил, ботаник? – встрял Перс. – Танька крутой путь прошла, покруче твоего Новособа. Разберётся сама, не маленькая, поди. С такими данными не пропадет!

– Не переживай, Жус, – серьёзно ответила Таня, – я найду брата, он поможет. Он меня любит.

Они ещё немного посидели в кафе, потом Таня засобиралась. Она подружески поцеловала всех ребят в щёку. Когда подошла к Персу, тот нахально притянул её к себе одной рукой за талию, другой немного ниже. Таня засмеялась: «Вот дурак!» и отстранилась. Настала очередь Жусупа прощаться, и они вдвоём отошли в сторону. Перс бросил в их сторону недобрый взгляд.

– Ну что, мой пират, давай прощаться! – слова её летели из далёкого космоса, как показалось Жусупу.

– Слушай, мы купили новые симки на телефоны, а друг другу так и не позвонили. Давай я тебя наберу на всякий случай, и ты будешь знать мой номер, – неожиданно предложил Жусуп. – Когда будем выезжать из города, можно я тебе позвоню? Попрощаться.

– Конечно, звони, – и она внесла его имя в контакты. – Ты знаешь, как я тебя записала?

– Как?

– Джозеф. И спасибо тебе, мой пират, за всё, – она быстро поцеловала его в губы. – Прощай. Со мной всё будет хорошо. Посмотри, какое ясное небо!

Жусуп, онемевший от неожиданного поцелуя, посмотрел вверх в голубую бездонность, а когда опустил голову, то увидел Таню, быстро удаляющуюся по улице летящей походкой. Верный пёс семенил рядом с ней.

* * *

Подростки вернулись на вокзал, купили билеты, потратив тридцать тысяч рублей. Вещи в камеру хранения сдавать не стали: дорого, да и поезд до Владика уходит в девять утра. Расположились в зале ожидания. Изредка кто-нибудь ходил в буфет и приносил пирожки и колу. Время шло медленно. Вдруг в полночь Жусупа разбудил звонок. Это была Таня.

– Алло, Жус, – шептала она, – не спишь?

– Нет, а ты что шепчешь?

– Я не могу громче говорить, вдруг тётка проснётся.

– Какая тётка? Ты где?

– Да я на стройке у брата, только он вчера в Ташкент улетел, как узнал, что я пропала. Меня его друг встретил, Мустафа. Дозвонились до брата. Тот меня так сильно отругал, а ему велел запереть меня в строительном вагончике и не пускать никуда. Вот и сижу тут с поварихой. Она уснула сейчас.

– С какой поварихой? – спросонок Жусуп не совсем вник в ситуацию.

– Да Мустафа её специально со мной поселил, чтобы я не сбежала.

– А зачем тебе сбежать? Брат приедет, и всё наладится.

– Да не приедет он. Велел Мустафе привезти меня домой. А я не хочу возвращаться в Ташкент. Чё мне потом, этому старику всю свою молодость трусы и носки стирать? Нет, нельзя мне туда.

– Слушай, Таня, может, дома всё-таки лучше? А за старика не выходи. Может, твой папа поймёт это? – старался образумить её Жусуп.

Их разговор уже давно слушал проснувшийся Перс. Он выхватил трубку у ботаника и закричал:

– Алло, Таня! Это Перимбет. Ты в беде? – Та что-то ответила ему, Жусуп не слышал. – Хорошо, диктуй адрес. Не волнуйся, мы скоро будем!

Отключив телефон, Перс повернулся к ребятам. Все уже проснулись.

– Ладно, значит, так. Мелкий, останешься здесь с вещами и билетами. Вот твой паспорт, если не вернёмся до шести, билеты сдай в кассу. Возьми мобилу ботана, если что – звони на мой, – решительно сказал Перс. – А ты и Ерёма – за мной. Поедем Таньку выручать.

Выскачив наружу, ребята нашли частника и попросили довести их до улицы Домостроительной. Подъехали к тёмному проулку. Справа блестел высокий металлический забор. Они вышли из машины. Перс попросил водителя подождать.

– Ну и как мы туда попадем? – сказал Ермек, глядя на неприступную стену.
– Не бойсь, не такие запоры вскрывали, – важно ответил Перс.

Пройдя вдоль стены, они вскоре увидели плохо закреплённый профнастил. Перс вытащил завёрнутый в куртку тесак и, ловко просунув его в щель, стал отгибать лист. Когда тот отошёл от стойки, они втроём вцепились в край и налегли. Образовался достаточно широкий проём.

– Ну чё, пацаны, путь свободен, – пробубнил довольный главарь.

Они пробрались на территорию стройки. И тут увидели, как в их сторону несутся с громким лаем несколько шавок.

– Вот засада, сейчас шум поднимут, – произнёс Ермек и поднял с земли кусок арматуры.

– Не поднимут! – Жусуп вышел вперёд. – Смотрите, – и он показал в сторону. Оттуда неслась чёрная тень.

– Кинг, ко мне! – негромко скомандовал подросток.

Как только дворняги увидели Кинга, они поджали хвосты и отбежали в сторону. Жусуп обнял разгорячённого пса и отдал команду:

– Веди нас к хозяйке!

Они подобралась к старому обшарпанному вагончику с маленькими окнами, за которыми, несмотря на ночь, горел свет. Тихонько постучали в окно. Однако выглянула не Таня, а какая-то женщина.

– Вы кто? Почему ночью на нашей стройке? – закричала та.

Ребята не успели ответить, как в окне появилось Танино лицо.

– Ой, тётя Оля, это друзья мои, они за мной приехали.

– Как за тобой? Мустафа сказал никому кроме его не открывать.

– Тёть Оля, не могу я обратно домой, пустите меня!

– Ишь чаво выдумала. Не пущу! – И затем ребятам: – А вы ступайте отседа, а то охрану позову.

Таня бросилась к двери, пытаясь её открыть, но женщина схватила девушку и завопила:

– Не пущу! Охрана!

Шавки снова залаяли, теперь уже громче. Ермек с Жусупом растерялись, лишь Перс подбежал и, засунув тесак в месте затвора, одним отработанным движением вскрыл дверь.

Тётка закричала ещё громче. Парень оттолкнул её от Тани:

– Будешь орать, сука, вот этим рубану тебе по башке, навек умолкнешь, – и он замахнулся так, что та в страхе отпрянула, закрыла рот рукой и забилась в угол.

Перс с Таней вышли из вагончика, но было поздно. В их сторону уже бежали три мужика. Двое в оранжевых жилетах, а один в чёрной форме, да ещё и с ружьём.

– Во, бляха, попали, – с досадой сказал Перс, – ну лады, я сейчас. Держи, – он отдал Жусупу тесак и снова зашёл в вагон. Подбежала охрана.

– Кто такие? А ну к стене лицом, руки за голову! – скомандовал охранник, наведя на них ствол.

– В зоне командовать будешь, дубак лысый, – вдруг раздался голос.

Все обернулись. Высокий крепкий Перс выходил из вагончика, держа за шею маленькую полненькую тётку, приставив к её горлу острый нож, который всегда носил с собой. Вроде как перочинный, но одним нажатием на кнопку из него вылетало острое лезвие.

– Ты что, пацан, – дурак? Я же тебя подстрелю сейчас, – неуверенно сказал охранник.

– Ты, дядя, пока стрелять будешь, я этой тётке горло перережу. Мне срок дадут как малолетке. А вот ты за выстрел в несовершеннолетнего надолго засядешь.

Охранник молчал, не зная, что ответить. Женщина, побелевшая как смерть, еле шла за Персом, готовая упасть в любую минуту. Все остальные застыли на месте.

– Чего ты хочешь? – наконец выдавил охранник.

– Короче, так, мужики. Бабу вашу я отпускаю вон там, возле забора, когда кенты мои пролезут на другую сторону. А она с нами пойдёт, – он показал на Таню. – Если что не так, мигом полосну по горлышку, перо у меня наточенное.

– Да ладно, Мустафа, – сказал вдруг один из рабочих, – пускай идут, а то этот придурок повариху порешит. А с братом девчонки я сам поговорю. Кто ж ожидал, что за ней бандюки придут.

Мустафа молчал. Охранника, а больше всех ошалевшую женщину, это устраивало. Беглецы двинулись к забору. Перс шёл спиной назад, волоча обмякшую тётку. Рабочие молча шли за ними. Ребята пролезли по одному в дыру в заборе. Настала очередь Тани, но тут внезапно Мустафа подскочил к ней и схватил за предплечье, резко потянув к себе. Кинг молниеносно бросился на рабочего, вцепившись острыми клыками в руку. Тот взвыл от боли и упал на землю. Раздался выстрел, и пса отбросило от Мустафы, но даже подстреленный, он продолжал сжимать его руку в зубах. Первым опомнился Перс. Он резко отшвырнул тётку, схватил потрясённую Таню и одним движением втолкнул её в проём, затем нырнул за ней следом.

– Бежим!

Все припустили в конец проулка.

– А Кинг? Кинг? – закричала Таня.

– Ему уже не помочь, – твёрдо произнёс Перс и потянул её за собой.

Сказанное ввело Таню в ступор, но парни подхватили девушку и добежали до такси. Толстый охранник, даже если б захотел, то не смог бы пролезть в эту дыру. Но он и не стремился, поэтому погони не было. А машина уже мчалась по улицам города.

Таня рыдала, постоянно выкрикивая:

– Ну зачем, ну зачем они убили его?!

Водитель даже один раз остановился, испугавшись:

– Вы чё натворили, парни?

Перс объяснил, что с её любимой собакой произошёл несчастный случай. Тот вроде успокоился и довёз их до вокзала. Таня шла заплаканная и отрешённая. Мир рушится, когда умирает близкий друг. Жусуп шёл рядом, стараясь успокоить девушку. Перс взял документы Тани и пошёл покупать ей билет. Смог взять лишь в соседний вагон, так как в их вагоне не было свободных мест.

Оставшиеся пять часов до отправления поезда Таня просидела в зале ожидания, глядя в одну точку. А на рассвете они уже ехали в поезде по красивому мосту через Обь.